

**Залбек
Залбеков:**
«Размеры имеющихся
земельных участков
превышают террито-
рию Дагестана».

(С. 14)

**Халида
Абуева:**
«Сейчас я горжусь тем,
что принадлежу
к семье Абуевых».

(С. 40)

ДАГЕСТАН

№8 (143)
АВГУСТ 2017
journaldag.ru

с. Кизляр, 2016
Возрождение Д.

Колонка неглавного редактора

Почва подготовлена. Ждем урожаев

Здравствуй, читатель. Я буду первым, кто сообщит тебе о празднике на нашей улице. Так получилось, что сегодня редакция отмечает юбилей. Вот уже пятнадцать лет подряд журналисты и публицисты, писатели и поэты, историки и аналитики, люди искусства и культуры раз в месяц собираются под одной обложкой. Естественно, каждый раз иной. Единственное, что не поменялось за эти годы — это название.

Я не воспользуюсь праздником и не начну говорить о высокой миссии журнала, духовном наполнении и ценном вкладе в национальную сокровищницу, литературных корнях или, прости господи, культуртрегерстве. В редакционной текучке мало пафоса, зато много порожней породы. Настоящие удачи редки.

Каждый номер журнала — это бабочка-однодневка. Раз в месяц она выползает из редакционного кокона на свет и, шелестя крыльями страниц, вылетает на встречу с читателем. Кто-то радуется ей, кого-то она огорчает — не те крылья, летит какими-то зигзагами... Кто-то вообще не замечает ее, мало ли бабочек вокруг. Редкие экземпляры оседают в библиотеках и домах героев очерков, интервью, репортажей, у авторов-литераторов. А дальше — жизнь продолжается.

И мы продолжаем рыхлить и удобрять почву в надежде, что на ней когда-нибудь проклюнется что-то стоящее. И, естественно, выдерживаем сор-

няки на своих шести десятинах, поскольку наше поле ограничено всего шестью десятками полос. Копание в земле отучает копаться в прошлом. Случается такое крайне редко. В юбилей, к примеру. Когда оглядываешься на свою делянку и видишь, что за пятнадцать прошедших лет культурный слой стал намного богаче. И это здорово.

Получилось ли вырастить на нем что-то заметное? Не знаю. Не стану ссылаться на Расула Гамзатова и высказанное им пятнадцать лет назад мнение, что «десять лет назад у нас не было ни литературы, ни страны». Тем более, что парой абзацев ниже он называет несколько имен и произведений, заслуживающих внимания. То есть, не все так плохо. Впрочем, ты, наш читатель, и сам сможешь прочесть его интервью, напечатанное в первом номере за 2002 год.

Я тоже навскидку могу припомнить пару-другую с интересом читанных авторов, молодых и, чем черт не шутит, многообещающих. Но если бы ты знал, читатель, как этого мало. Хочется большего, уж извини. Хоть сам садись и вайй нетленку пачками. Но, верю, до этого не дойдет. Так что будем искать и возвращать таланты в гущу народа. А что, почва подготовлена, заботливых садоводов хватает. А лет через пятнадцать посмотрим, что у нас в итоге получилось.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- Расул Гамзатов*
4 «Нам нельзя
уходить от правды»
- Далгат Ахмедханов*
8 Дело было так...
- Наида Хаспулатова*
14 Растяжение земли
- Далгат Ахмедханов*
19 Чистые и грязные руки,
чистые и грязные мысли
- Наида Хаспулатова*
22 Чем вьетнамцы
лучше дагестанцев
- Андрей Меламедов*
26 Дагестанское золото
российского фермерства
- Влада Бесараб*
30 Край несуровых гор

Фото в номере: Руслан Алибеков,
из собрания Музея истории города Махачкалы

16+

ДАГЕСТАН

№8(143) август 2017 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й
этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

37 Аномальная зона
размером с тарелку

Светлана Анохина

52 Сергей Лугуев.
Этика этноса

Генезис

40 Танго в приморском парке

Влада Бесараб

56 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

44 Ягудаев и окрестности

Светлана Анохина

61 И пошел снег...

Газимагомед Галбацов

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Фото Х. ЗУРГАЛОВА

Расул ГАМЗАТОВ:

"Нам нельзя уходить от правды"

- **Расул Гамзатович**, в разные времена литература ставила разные задачи и отвечала на разные вопросы. Были "Отцы и дети", "Преступление и наказание", "Война и мир", "Былое и думы", "Кто виноват?", "Что делать?". А какой вопрос вы бы задали нашему времени, какая тема для него актуальнее?

- По сравнению с проблемами дня сегодняшнего, перечисленные вопросы, несмотря на свою важность и остроту, уже кажутся романтическими. Для нашего времени более актуальны вопросы простые: холодно ли тебе, голодно ли тебе, страшно ли тебе? К сожалению, в наши дни многие люди на эти вопросы вынуждены отвечать положи-

тельно, и это самое тревожное. Многим нашим соотечественникам и холодно, и голодно, и страшно. Если в нашей стране отпадет необходимость задавать эти три вопроса, то можно тогда будет говорить о проблемах другого уровня. Не потерял актуальность сегодня и вопрос, что день грядущий нам готовит? От ответа на него тоже многое зависит.

- **Принято говорить о воспитательной роли литературы, о ее влиянии на умы, и раньше, когда нашу страну называли самой читающей в мире, эта роль действительно была высока. Сегодня же многие школьники лучше знают имена и творчество поп-звезд нежели писателей. В этой связи как-во, по-вашему, сегодняшнее назначе-**

ние литературы, что может противопоставить неторопливое писательское перо динамичному напору современной масскультуры?

- Литературу всегда называли человековедением. Я вполне согласен с таким определением. Но сейчас литература, по-моему, должна быть не столько человековедением, сколько человеколюбием. Сегодня литература шагает отдельно от людей. Многие нынешние писатели оказались оторванными от жизни, ее реальных проблем. Но настоящая литература не может быть придуманной, ведь она - жизненное явление.

Когда мы читаем научную работу по физике или химии, нам не обязательно знать происхождение ее автора и самому автору не нужно в свой труд внести своеобразие своей страны или языка. Но автор литературного произведения должен вкладывать в свое детище душу своей земли и народа, поднимать злободневные проблемы, которые присущи только его родине. Только тогда он может стать близок и понятен всем нациям. Поэт должен быть немного националистом в хорошем смысле этого слова, ведь если в его стихах мы не услышим шум реки, протекающей мимо его аула, колыбельную песню матери и звуки родного языка - все остальное будет фальшиво.

Есенин писал о родных рязанских просторах, лугах и березах, но стал близок всей России и всему миру. Я сам к Есенину поздно возвратился, но теперь никогда ему не изменю. Порой я Маяковского ставил выше Есенина, сейчас, скорее, наоборот, но я не согласен с

теми, кто Маяковского вообще не считает поэтом, он - крупнейший поэт, особенно интересны его дореволюционные стихи. Но Маяковский хотел подчинить Родину революционным интересам, а настоящие поэты революции и события подчиняют интересам Родины. Они не командуют Родиной, а подчиняются ее воле.

Живое писательское слово нужно всегда. Хотя я сам в последние годы уже начал думать, что понимание поэзии вообще исчезло из нашего общества, но, оказалось, ошибался. Недавно прошло несколько поэтических вечеров, на которых выступал и я, и оказалось, что люди принимают и понимают стихи, им близко поэтическое слово. Очень мно-

гие представители интеллигенции буквально удивляли меня, читая наизусть отрывки из каких-то моих и чужих произведений, и я понял, что все-таки стоит продолжать писать.

- Несколько лет назад было модно обвинять прежние времена в том, что бытовавшая тогда цензура не давала полноценно развиваться литературе. Что вы думаете по этому поводу?

- Я считаю, что цензура необходима всегда, конечно же, не в уродливой форме, но необходима. Она не должна вмешиваться в художественные формы и образы. В XIX столетии была очень сильная цензура, но какую великую литературу дал нам этот век!

Цензура в определенной степени помогает писателю найти болевые точки жизни и писать о них так, чтобы никто не мог упрекнуть его в отсутствии правдивости. Хотя цензура цензуре рознь. Если цензор имеет достаточный уровень, чтобы отделить хорошее от плохого - это одно, если же выбор произведений для публикации ведется по идеологическим или конъюнктурным соображениям - это совсем другое. Мы сейчас говорим, что у нас нет цензуры, но не надо обманывать себя: цензура была, есть и будет. Сейчас никто не будет публиковать в центральной печати стихи, посвященные Сталину или Ленину, хотя когда-то это было в порядке вещей.

Цензура может быть хорошим щитом против графоманов, которые всегда засоряли литературу. Потребность в такой функции цензуры сегодня как никогда высока. Нельзя что попало печатать, точно так же как нельзя ходить по улице голым. Имеет свои законы и правила общество, имеет их и литература. Нельзя болотную жижу выдавать за новую волну в литературе.

Я бы не сказал, что развитие литературы как-то связано с отсутствием цензуры. Если бы в былые годы не было такой жесткой цензуры, наверняка, не было бы Солженицына, талант которого раскрылся в борьбе с ней. Если бы литература развивалась в тепличных условиях, многие известные писатели и поэты, возможно, не написали бы свои лучшие произведения.

Сейчас вроде бы нет никакой цензуры, никаких идеологических рамок, отчего же не появляется ни одного литературного шедевра, почему нет ни одного романа, стихотворения, песни, которые бы стали событием в масштабах страны? Даже гимн пришлось старый вернуть и прежнего автора попросить переписать слова, потому что за десять лет никто так и не смог создать ничего достойного.

- Кстати, уже 8 лет наша республика живет с новым гимном у которого нет слов? Вы принимали участие в конкурсе на создание гимна и слова, написанные вами, вместе с музыкой Ширвани Чалаева были предложены для утверждения Народным собранием. Музыку утвердили, а про слова забыли. Почему?

- Думаю, что с самого начала подход к созданию гимна у нас был неверным. Надо было сначала писать слова, а уже потом музыку. Потому что писать слова на готовую музыку гораздо сложнее, чем наоборот. Почему гимн Дагестана был все-таки принят без слов, судить не берусь. Уже позднее я узнал, что в последний момент появились некоторые замечания к тексту. Не спорю, за то время, пока мы работали над гимном, в адрес моих слов было высказано много дельных замечаний и предложений. Я готов был работать над ними, но после того, как музыку приняли, о словах действительно забыли и не вспоминали. Удивления это не вызывало, ведь бессловесным был и гимн России. Однако, мне кажется, что сегодня настало время вернуться к этому вопросу. Дагестану нужна своя всеобщая песня, которая стала бы объединяющим началом для всех народов республики. Мы все были свидетелями, как разворачивалась ситуация вокруг гимна России. За десять лет никто так и не смог написать слова на сложную музыку Глинки. Высказывать замечания и предложения можно бесконечно, а гимн республике нужен уже сегодня.

- Дагестан один из немногих регионов России, где Союз писателей не распался. Многие скептики вообще ставят под сомнение необходимость существования такой организации, что вы можете им ответить?

- Да, уже дошли до того, что называют Союз писателей чисто чиновничьей организацией. Значит в чиновники от литературы записали и меня и таких известных поэтов и писателей, работающих в Союзе, как Магомед Ахмедов, Шейит-Ханум Алишева, Жамидин, Марина Ахмедова, Сугури Увайсов. Этими инсинуациями занимаются люди, не сделавшие ничего для дагестанской литературы, но пытающиеся заработать себе очки на беспочвенном ее охаивании.

Каждое общество имеет свою организацию. Народы объединены в государства, рабочие - в профсоюзы. Объединяющая организация нужна и писателям. Подобные союзы, пусть и в другой форме, есть и в Европе, и в Америке, и в Азии. Членство в Союзе писателей - дело добровольное. Конечно, я

против того, чтобы Союз писателей когда-нибудь выступал в той роли, какую он играл в мрачные годы нашего прошлого, когда клеймили инакомыслящих, запрещали стихи, книги, а иногда даже и все творчество некоторых поэтов. К сожалению, иногда Союз использовали как орган усмирения и подчинения. Однако сейчас у него совершенно другое назначение. Союз писателей может и должен стать для писателей тем местом, где они могут поделиться друг с другом своими мыслями, обсудить новые произведения, пообщаться. Без такой организации писателям намного труднее будет решать и свои социальные проблемы. А что касается скептиков, то они забывают о том, что Союз писателей сохранился в Дагестане не по велению свыше, а по воле самих писателей, людей отдавших себя литературе и преданных ей, а значит, он им действительно нужен.

Те, для кого дагестанская литература стала объектом для разного рода спекуляций, просто избрали наш Союз своей мишенью. Конечно же, можно вспомнить о том, что без Союза писателей обходились Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский. Но сегодня другое время. Поддержка нужна молодым литераторам, которые, несмотря на полное забвение культуры, все-таки связали свою жизнь с литературой. Необходима также помощь пожилым писателям. Всеми этими вопросами сегодня и занимается Союз. А тем, кто говорит, что он не нужен, могу ответить так: мне лично тоже не нужны многие министерства и ведомства, но я не выступаю против того, что они есть, потому что у них другие, никак не связанные с литературой задачи.

- В последние годы, не выдерживающие никакой литературной критики, книги заполнили прилавки книжных магазинов, часть из этих горе-литераторов не скупится и издается за свой счет, другая - активно привлекает спонсоров, которые часто вообще не знают, на что дают деньги. Чем, по-вашему, вызвана эта литературная болезнь и излечима ли она?

- Болезни в литературе - естественные явления, ведь литература - это живой организм. Но у нас в Дагестане графомания получила характер эпидемии. Сегодня пишут все, кому не лень, причем с уверенностью, что делают это хорошо. В литературе появились уродливые явления, которых раньше не было. Поэмы превратились сейчас в легкий жанр, и посвящают их часто чиновникам и банкирам. Многие молодые поэты, к сожалению, тоже идут по этому пути. Зарифмованное подхалимство

стало модой, вал совершенно бездарных сочинений последних лет очень сильно испортил читательский вкус.

Но настоящая литература все равно остается и стоит выше всего этого балагана. У нас было целое поколение прекрасных поэтов и прозаиков: Бадави Рамазанов, Нурадин Юсупов, Алирза Саидов, Муса Магомедов, Сулейман Рабаданов, Омаргаджи Шахтаманов. И лучшим доказательством того, что слово их до сих пор значимо, является тот факт, что по прошествии многих лет после их кончины их стихи читают наизусть и пишут на них музыку.

- В одном из недавних интервью вы сказали, что одной из основных черт нашего времени стала открытая и циничная несправедливость. А какой образ, по-вашему, больше всего подходит для олицетворения последнего десятилетия?

- Я бы сказал, что это - десятилетие безвременья. Из нашей жизни исчезли события, зато появилось множество мероприятий. Скажем, эпохой это время по большому счету назвать нельзя. У нас последние десять лет не было ни литературы, ни страны. Те, кто писал, перестали писать, а новых имен не появилось. Эпохой можно назвать время, которое имеет содержание, а его-то как раз и не было. В годы войны люди ждали новостей последнего часа, каждый час страна заворожено слушала голос диктора, люди осознавали значимость того, что происходит, несмотря на трудности. У нас не происходило за эти годы событий, которые бы можно было по значимости хотя бы в чем-то сравнить с этим. Раньше люди были готовы голодать и усердно работать во имя чего-то хорошего. Пусть многие их надежды не оправдались, но в наше время у людей отняли даже надежду.

- Что вы думаете о сегодняшнем и завтрашнем дне дагестанской национальной литературы?

- Хотя дагестанская литература развивалась на самобытной основе, но испытала огромное влияние русской литературы и значение это нельзя уменьшать. В начале 90-х иные литераторы пытались придать большое значение арабоязычной дагестанской литературе прошлых веков и литературе дагестанской диаспоры в Турции. Но нельзя же в угоду конъюнктуре идти против правды. Конечно, и в этих литературах есть что-то интересное, но то, что мощный толчок развитию наших национальных литератур дала именно русская литература, неоспоримо.

Что же касается перспективы, то все будет зависеть от того, появятся ли нет на литературном горизонте новые

интересные писатели. Талант всегда появляется неожиданно. Никто не мог предвидеть, что появятся Батырай, Махмуд, Гамзат Цадаса. Союз писателей не может выучить или воспитать поэта, он может ему только помочь. Настоящий поэт независим от внешних обстоятельств, он живет по конституции своей совести и таланта.

Сейчас меня радует то, что в дагестанской литературе появляются произведения. Потому что раньше в нашей литературе было больше сочинений, а теперь появляются и произведения. Лезгинский поэт Арбен Кардаш, например, написал новую интересную поэму; кумыкский поэт Бадрутдин Магомедов тоже написал поэму, которая вызвала горячие споры; очень яркие и самобытные стихи я вижу у молодого аварского поэта Магомед Гамзаева; народный писатель Дагестана Магомед-Расул недавно написал новую повесть, которая тоже вызывает большой интерес.

К сожалению, у писателей сегодня немало времени уходит на решение своих социальных проблем, многие вынуждены работать в газетах, на радио, так как писательский труд достойно не оплачивается. Литература от этого не выигрывает. Раньше движущей силой языка были писатели, а теперь, похоже, ею стали журналисты. Так быть не должно.

- Время, в котором мы живем, принято называть тяжелым и непростым, хотя, как свидетельствует история, легких времен вроде бы не бывает. Как вы считаете, от чего мы все должны наотрез отказаться в жизни и литературе, чтобы все время не уповать на превратности судьбы?

- Нам нельзя уходить от правды. Многие наши беды были оттого, что мы пытались себя и других обмануть. У нас до сих пор очень много бахвальства и хвастовства, оценки, которые даются явлениям и людям, часто завышены и лживы. В нашу жизнь и литературу ворвались налетчики, халтурщики и карьеристы, чего так боялся Эфенди Капиев. Литературе нужны простые, мощные и нежные голоса. Нужны долгие и трудные поиски, тогда будут и находки.

Сейчас у нас повсюду, в том числе и в литературе, принимается принцип: на безрыбье и рак рыба. Но это нас не должно устраивать. Надо неизбежно поднимать выше планку требований. У нас она сейчас очень занижена. Как оценить тогда нашу литературу? По большому счету - маленькая литература, по среднему счету - средняя литература, по маленькому счету - большая литература. Человек напишет несколько строк и уже считает себя поэтом, издаст маленькую книжку и требует признания.

На вооружении нашей литературы уже нет межконтинентальных ракет, остались только ракеты средней и малой дальности. Многие поэты и писатели сейчас стремятся набрать высоту, но при этом забывают о глубине в своих произведениях. Мы во многом сами обедняем нашу литературу. Некоторые лихачи пытались еще совсем недавно вообще перечеркнуть литературу советского периода, хотя это, безусловно, была великая литература. Если мы вернули нашему читателю Бунина и Набокова, не надо при этом отказываться от Горького и Шолохова.

- Над чем вы сейчас работаете?

- Еще в 1993 году у меня вышла большая книга "Кольбель у камина", в которой собраны стихи и поэмы о стране. Не о Родине, не о государстве, а именно о стране. Книга была очень хорошо принята читателем, поэтому мне она особенно дорога.

Сейчас я работаю над циклом поэмы и стихотворений под общим названием "Времена и дороги". Вошла в него и новая поэма о трех женах, образы которых перекликаются с образами эпох, в которых мы жили и живем. Первая жена - строгая и жесткая, но при ней был порядок. Вторая - уступчивая и демократичная, но проститутка. Нужно искать третью жену, чтоб была умной и красивой. Но при этом в мыслях все время невольно возвращаешься к первой.

В новый цикл поэмы вошла и поэма о моей жене "Патимат", поэмы "Кавказ", "Черный ящик", стихи о жизни и смерти. К сожалению, до сих пор не хватает времени закончить поэму о Махмуде, история любви которого, по-моему, даже ярче истории любви знаменитых Тахира и Зухры. Незаконченными остались и цикл детских сказок "Дингир-Дангарчу", третья книга "Моего Дагестана", поэма о художнике Халилбеке Мусаеве, множество стихов.

- Развитие литературы на национальных языках тесно связано с проблемой художественного перевода, как вы смотрите на перспективы развития этого жанра?

- Несмотря на сложности, мы не должны потерять замечательную школу художественного перевода, которая была сформирована в советские годы. Многие переводчики тогда прекрасно переводили на русский язык дагестанских поэтов, предоставляя их произведениям огромную аудиторию. Дагестанские писатели и поэты переводили друг друга на родные языки. Я сам много переводил на аварский язык. Перевел поэму Есенина "Анна Снегина", стихи Пушкина и Лермонтова. Перевод - очень интересный жанр. К сожалению, такие

большие переводчики, как Наум Гребнев и Яков Козловский, уже ушли от нас. Сегодня профессиональным переводом занимаются единицы. Но литературная молодежь должна учиться у них, ведь литературный перевод - это жанр, который позволяет по-новому раскрыть талант и переводчика и автора, одни и те же стихи на разных языках звучат по-новому, дополняют и взаимообогащают друг друга.

- Очень многие молодые дагестанские литераторы сегодня пишут на русском языке, даже те, кто прекрасно владеет своим. Как вы относитесь к этой тенденции?

- Я озаглавил одну из своих статей так: "Язык языку не враг". От того, что Чингиз Айтматов многие свои произведения написал на русском языке, киргизская литература не погибла, напротив: приобрела новые черты и краски. Можно писать на любом языке, главное - как и что писать. Лично я, например, не могу писать художественные произведения на русском языке, и поскольку аварский язык, к счастью, не запрещен, пишу по-аварски. Любые языки имеют право на существование. Но писать на русском языке ради того, чтобы иметь больше читателей - это самонадеянность. Надо бояться такой широкой аудитории, а не стремиться к ней. В этом плане надо быть ответственнее и опробовать свой талант в рамках своего языка. В дагестанской литературе очень немногие национальные писатели настолько хорошо владели русским языком, что могли на нем писать.

- Что вы думаете о сегодняшнем состоянии дагестанской литературной критики?

- Раньше, когда уровень литературы был гораздо выше, критики было намного больше. Даже в удачных произведениях зрелых мастеров усматривали недостатки. Сегодня же, когда в литературе столько халтуры, критики практически нет. Поэтому порой складывается такое впечатление, что халтура одержала победу над литературой. У нас, конечно же, есть талантливые критики и литературоведы, такие как Камал Абуков, Аминат Алиханова, Казбек Султанов, Гаджикурбан Расулов, Магомед Бисавалиев, которые опубликовали в последнее время немало интересных работ. Но все же настоящих аналитических и критических статей недостаточно. За эти годы вышло очень много книг, есть среди них даже романы. Но неужели дагестанские писатели настолько талантливы, что ни один критик не нашел в их объемных томах никаких недостатков? Писателям без критики живется легко, зато литературе от

этого становится все тяжелее. Критика, безусловно, горькое лекарство, но ведь порой чем горше лекарство, тем оно полезнее. Нам нельзя об этом забывать.

- В Дагестане национальный фактор играет в политической жизни далеко не последнюю роль. В частности по национальному признаку формируется Госсовет республики. В последнее время национальный вопрос вновь муссируется на страницах некоторых изданий? Что вы об этом думаете?

- Думаю, что лучшее решение национального вопроса - вообще не поднимать его. Безусловно, национальное представительство надо учитывать, так было всегда. И в этом смысле принцип формирования Госсовета республики - очень мудрое решение. Но доводить это дело до абсурда - опасный путь. Ведь национальность у нас уже появилась даже у должностей, а термины аварское, даргинское, кумыкское, лакское и т.д. место прочно вошли в наш лексикон. Так быть, конечно же, не должно. На днях я открыл недавно изданную книгу "Сказки народов Дагестана", пролистал аварские, даргинские, кумыкские, лакские, лезгинские, табасаранские, татские сказки. К своему удивлению я увидел далее и ботлихские, и андийские, и ахвахские сказки. На это, конечно, можно не обращать внимания, но мы не можем не замечать того, что тенденция мельчить наши народы, сужая их рамки до границ одного аула или хутора, есть и подстегивается она амбициями безответственных политиков, стремящихся на этой волне получить себе титульное место в Госсовете.

Что же касается нагнетания страстей, то это вообще преступление, даже если делается это в мягкой форме. Мы убрали графу "национальность" из паспортов, но у многих она, к сожалению, все еще осталась в голове. Надо быть ответственнее перед своим народом и не обострять обстановку вокруг того или иного вопроса. У нас, к сожалению, слова национальный и националистический воспринимались многими как синонимы. В Дагестане уже создавались национальные движения, но почти все они к сегодняшнему дню уже расформированы. Лидер аварского национального движения Гаджи Махачев один из первых принял решение расформировать его, потому что понял бесперспективность его дальнейшей деятельности. Мы идем к единому Дагестану, поэтому надо искать то, что нас может объединить, а не разделить.

Сегодня опять появились статьи, где нагнетается тема переселения горских народов на равнину. Нужно вспомнить,

что, когда дагестанские народы насильно переселяли с насиженных мест, все молчали. Сейчас ситуация такова, как она есть, и пытаться изменить ее безответственными призывами и глупыми действиями чревато плачевными последствиями. Националисты во все времена использовали национальный фактор, чтобы прорваться к власти, и прикрывались при этом возрождением национальной культуры. Они все время забывали, что культуру своего народа можно возрождать, не выдвигая политических лозунгов. Не язык, не нация, а сердца делают нас близкими и родными.

- Вы народный поэт Дагестана? Что для вас значит это звание, и как вы относитесь к званиям и наградам вообще?

- Я очень дорожу тем, что мне присвоено это высокое звание и был очень смущен, когда мне его дали, осознавая, что оно - определенный аванс доверия, который я должен буду оправдать. Но в последнее время я пересмотрел свое отношение к званиям и наградам вообще. Ведь сегодня целью многих писателей становятся не произведения, а звания. Доходит до смешного: некоторые писатели сами себя выдвигают на это звание, оспаривают право других получить его, настаивают на присвоении, мотивируя это тем, что они уже-де достигли соответствующих высот в литературе. У нас в республике 18 народных поэтов и писателей, так что же остальные, антинародные что ли? Нельзя литературу превращать в спорт. Писатели, стремясь к наградам и званиям, тем самым отдаляются от литературы. Без единой награды и звания умер известный русский писатель Михаил Пришвин, но его вклад в литературу от этого меньше не стал. Трудно представить себе Пушкина, утвержденного царским указом народным поэтом России. Он и без этого народный, был и останется им.

- Что вы пожелаете нашему журналу?

- Издание общественного и литературного журнала - очень большое и важное дело. Более десяти лет в республике не было журнала, где писатели могли бы публиковать свои произведения на русском языке. Его значение и назначение будет велико, если в нем будут звучать разные голоса. Одинаковых мнений, как и одинаковых людей, не бывает. Поэтому каждое разумное мнение надо уважать и не делать всех людей похожими друг на друга. В основе всего должна лежать правда. Нужно больше говорить о недостатках. Руководить нами в творчестве и в жизни должно не самомнение, а сомнение. В добрый путь, "Дагестан".

Далгат Ахмедханов

ДЕЛО БЫЛО ТАК...

Лето 2002 года. Сажу в редакции, которая закрывается из-за моих разногласий с работодателем, и думаю: что дальше? Опять газету создавать? Из своего родного «Нового дела» после десяти лет работы тоже из-за этого ушел. И опять? Между ними, правда, тоже газета — «Новый день» — год выходила, неплохо ведь получалось, но там другая история. А теперь снова? Пожалуй, это будет выглядеть уже смешным... Хотя, говорят, бог троицу любит... И тут раздается телефонный звонок.

— Далгат, ты? Это Салих Гусаев говорит. Не мог бы ты сейчас приехать в Союз писателей, к Расулу Гамзатову? Мы с ним тебя ждем.

— Могу, конечно.

— Приезжай, поговорим.

Приехал. Стол сдвинут в правую его сторону. Расул Гамзатович сидит во главе стола, на котором есть что выпить и чем закусить, рядом — Салих Гусаев, министр по национальным отношениям, информации и внешним связям; из остальных сидящих помню сейчас, спустя 15 лет, только симпатичную, весьма привлекательную женщину, которую ни до того, ни после не видел. С поэтом знаком давно, с министром довелось поработать. Он и объяснил неожиданное приглашение. Расул Гамзатович предложил издавать респу-

бликанский журнал на русском языке — раз в два месяца. Наполнение — журналистские материалы и произведения дагестанских литераторов. «И мы оба, — добавил министр, — обрадовались, когда без сомнений сразу сошлись на твоей кандидатуре. У тебя есть опыт в создании новых печатных изданий. Ну как? Соглашайся!»

Вот это номер, мелькнула у меня сразу мысль, вот тебе и бог троицу любит... В душе я сразу согласился, но через несколько секунд все же сказал:

— Я согласен, но у меня есть два условия и два сомнения.

— Какие? — спрашивает Салих.

— Условия, чтобы не навязывали людей, с которыми работать, и не обязывали, что печатать, а что нет. Сомнения же — помещение и финансы?

— А советовать можно? — Впервые вступил в разговор, улыбаясь, Расул.

— Даже нужно, на это надеюсь, — ответил я.

— Тогда пойдем, я покажу. — И он встал, приглашая идти следом.

Мы вышли из кабинета, и Расул тут же завел нас в маленький отдельный блок — коридор и три маленькие комнаты.

— Этого хватит? — спросил он.

— Вполне.

— Тогда про финансы пусть Салих расскажет, — кивнул мой новый учредитель.

Хорошо бы, сказали мне, если журнал выйдет через месяц. Что ж, подумал я, помещение есть, деньги тоже, компьютеры пока у каждого дома свои, но набирать и верстать можно пока и дома, а типография только верстку ждет. Остается лишь думать и писать. Вот что называется издавать на коленке, подумалось мне, но поначалу сойдет, а там возьмем разгон... Вот так началось, и все сразу закрутилось.

Кадры решают все, как известно. Поначалу нас было всего шестеро. Редактор, заместитель — Мурад Ахмедов, ответственный секретарь — Гаджикурбан Расулов, корректор — Хуризада Магомедомарова, бухгалтер — Ольга Матаева. Шестой — водитель несуществующей пока автомашины, завхоз не нажитого еще имущества, куратор выпуска будущих номеров в типографии, мастер на все руки, один за всех — Байгиши Байгишиев. Понятно, что кроме Ахмедова и Расулова, прежде мне незнакомых, которых мне, как и было обещано, посоветовали, и которыми я остаюсь до сих пор весьма доволен, на остальных четверых я мог положиться, поскольку знал их по совместной прежней работе. И понятно, что мы смогли выпустить через месяц, уже в августе 2002 года первый номер журнала «Дагестан».

Что же в нем было такого-этакого, чтобы надеяться на признание читателем? Перечитываю заголовки и предполагаю, что они способны были сыграть в этом роль. Колонка редактора, которая стала с тех пор неизменной и присутствует до сих пор, называлась

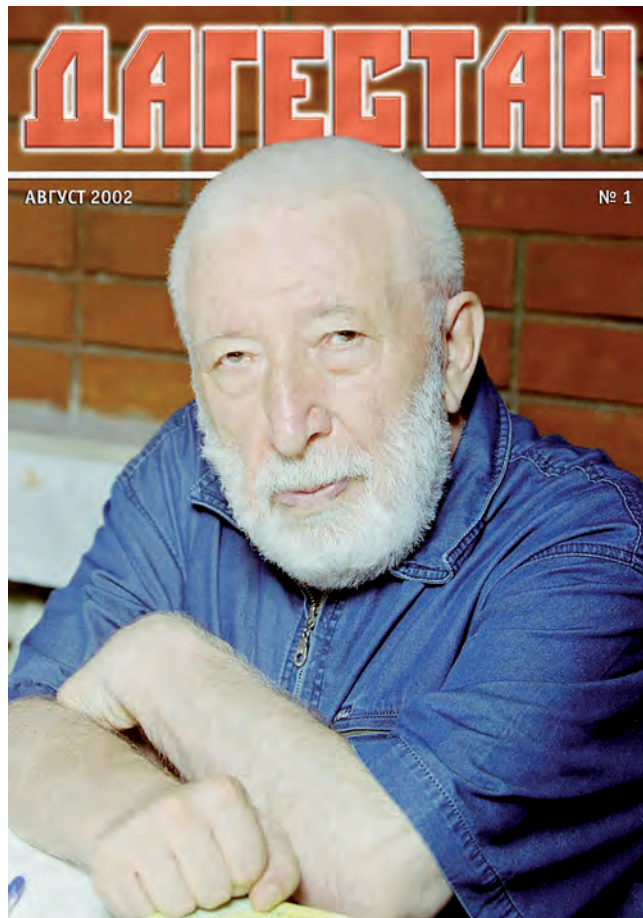
«Да поможет нам совесть!». Статья Расула Гамзатова «Нам нельзя уходить от правды» и статья замечательного дагестанского историка Расула Магомедова — «Джамаат вынесет вердикт». Интервью с блистательным дагестанским ученым, доктором технических наук Шамилем Алиевым — «Взрослые — это безнадежно запущенные люди. За исклю-

чением способных стать детьми». Статья заслуженного деятеля искусств Дагестана Маймусат Коркмасовой «Время и мы — в самой прекрасной из профессий», наконец, и отличный фельетон мгновенно возникшего в нашем окружении и долго сотрудничавшего с журналом Яхьи Яхьялова «У.Е. — ВУЯ!» Если найдете почитать — убедитесь.

Все редакционные посты значимы. Но стержневой, вокруг которого перед публикацией вертятся все остальные, — ответсекретарь. Знаю по себе, поскольку сам перебивал за все свои журналистские годы в шкуре

каждого, за исключением разве что курьера. Не случайно из всех, с кем я прожил в журнале двенадцать лет, и по сей день работает только Гаджикурбан Расулов. Молчаливый, все знающий, но идущий на контакт, если только доверяет и расположен к собеседнику.

За «мои» же 12 лет журнал претерпел несколько серьезных трансформаций. Начали мы с журнала, выходящего один раз в два месяца в черно-белом варианте на 40 страницах. Это, конечно, был анахронизм. Но попробуйте что-либо изменить в жестких рамках привычной системы! На все про все ответ один — бюджет не резиновый, денег нет. Ни на цветную печать, ни на увеличение объема издания, ни на его периодичность.

Вспоминаю, как однажды иностранец, удивляясь дефициту бумаги, спрашивал: «У вас что — бумаги не хватает, чтобы деньги печатать?» Действительно, этот советский парадокс существовал довольно долго. Мы победили его в 2004 году, когда 12-й по счету номер журнала вышел увеличенный в объеме, на 60 полосах. Но черно-белая печать оставалась еще долго, только обложка была цветной. И вот после 5 лет работы, когда стало уже совсем невозможно терпеть такой провинциализм, мы в явочном порядке, никого не спрашивая, на свой страх и риск, отпечатали очередной, первый номер 2007 года, в цвете. И предложили посмотреть правительству — ну как? Навверху, разумеется, впечатлились и добавили на цветную печать.

Оставалось сделать еще один рывок. Ну что такое, в самом деле, номер — в два месяца? И теперь, когда журнал стал выходить приличным объемом и полностью цветным, следовало добиваться изменения периодичности. Через два года мотивация редакции была все-таки услышана и понята — с января 2009 года «Дагестан» стал выходить ежемесячно. Работать стало еще интереснее: ощущение, что успеваем реагировать на меняющуюся ситуацию, дорогого стоит. Правда, работы прибавилось вдвое, а оплата ее оставалась все та же. Такая вот инициатива! Попытки увеличить и зарплаты сотрудникам увенчались относительным успехом — нам добавили две единицы в штат. Но я время от времени продолжал напоминать, что не мешает вернуться к обсуждению должной оценки

нашего труда. Увы, не получилось, оставил ее «добивать» своему преемнику.

О чем же мы писали? О том, что от нас ожидали, что мы обещали, что было читателям и нам интересно, — о повседневных делах республики. Заботила, разумеется, не просто фиксация существующих в них достоинств и недостатков — без чего, конечно, не обходилось. Мы искали присутствие перспективы, взгляда в завтрашний день. Штатного фотокорреспондента у нас не было (бюджет, помните, не резиновый), привлекали нештатных, обзавелись непритязательными фотокамерами, которые непременно стали брать с собой, выезжая в командировки. Журнальные страницы теперь заблистали цветными иллюстрациями, пусть и не в профессиональном исполнении.

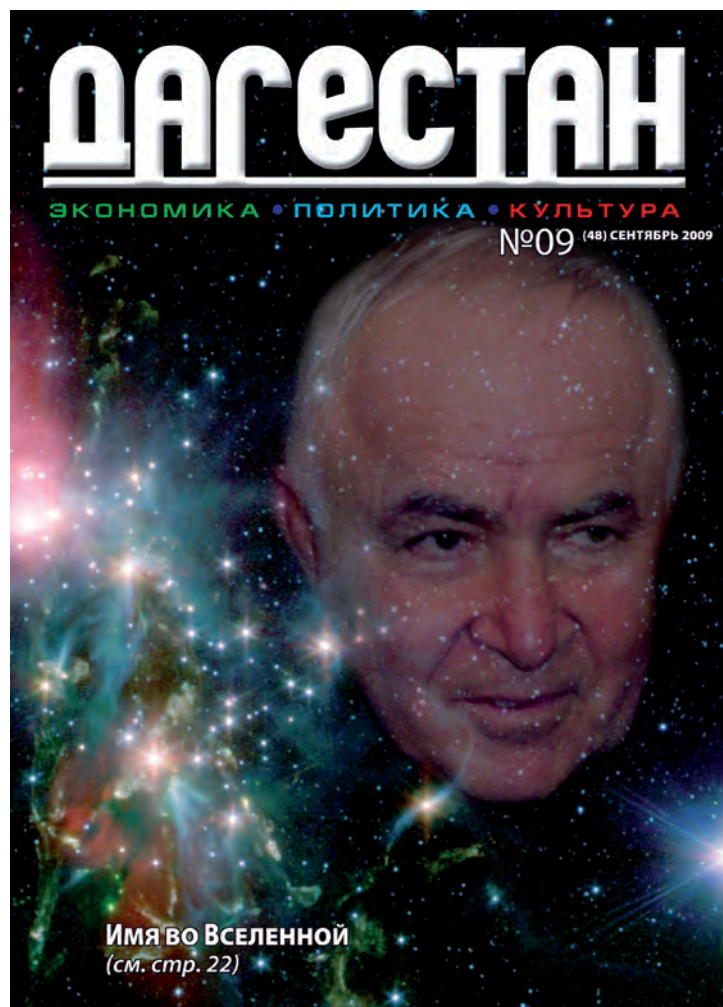
Обо всем не расскажешь, конечно, но даже заголовки могут дать представление о мыслях, волновавших авторов и их героев. Решил «полистать» электронную подшивку за прошлые годы, благо Гаджикурбан бережно сохранил все архивы. Начал листать, но после тридцатого — от удивления, радостного смущения — остановился. Какой же все-таки интересный, оказывается, журнал мы выпускали. Да, внешне неказисто, однако от его содержания трудно оторваться — настолько все интересно, оказывается, по фактам, авторской мысли, сочности и образности языка изложения. Тогда, когда все это писалось и печаталось, такие мысли не посещали. Готовился очередной номер — и это была обычная, привычная работа.

Но почему-то сейчас, по прошествии лет, меня не покидает сожаление, что нынешний читатель лишен удовольствия от знакомства с этими текстами.

Все-таки приведу несколько заголовков, поскольку обещал, указывая номер журнала и год выхода. «Обманчивый призрак суверенитета», «Мрачные тайны 30-х» — № 2, 2002; «Родимые корни террора» — № 3, 2002; «Чистые и грязные руки, чистые и грязные мысли» — № 4, 2004 (Отступаю от правила, тут особый случай: эта моя статья стала лауреатом Всероссийского конкурса журналистов «Золотой гонг-2004» в номинации «Расследование года», а диплом лауреата мне вручал в Москве председатель жюри конкурса Ясен Засурский, бывший декан факультета журналистики МГУ, который я в его время окончил. Промолчать было невозможно, Гаджикурбан пристыдит); «Пессимист и оптимист: взгляд на телебудни» — № 1, 2005; «Кто — скифы и азиаты, кто — европейцы, кто — рабы» — № 5, 2006; «Под богом может каждый жить, а гражданином быть — обязан!» — № 6, 2006 и т. д.

А если вспомнить необычную информацию о фактах, ставших предметом расследования авторского (штатного и нештатного) коллектива журнала, тоже не соскучишься. Вот письмо из Акушинского района, где автор сообщает, что, судя по всему, прототипом лермонтовского Мцыри был дагестанский юноша, их земляк. Кто его знает, а вдруг? Встречаемся с автором, излагающим бытующее в их краях предание о похищенном и вернувшемся их молодом земляке, о почти документальном сходстве сюжета поэмы и посещением генерала Ермолова в начале позапрошлого века Акушинского района. Что ж, очень может быть. Мной эта версия не отвергалась с порога. Любопытный материал, требующий дальнейшего изучения, был напечатан.

А что вы думаете о русском кумыке — известном русском поэте Арсении Тарковском и его сыне, знаменитом кинорежиссере Андрее Тарковском? С Андреем я говорил по телефону, договариваясь о встрече по этому поводу, он согласился на нее,

но попросил отложить, поскольку уезжал на очередные съемки. Увы, мне жаль, но она так и не состоялась. Известный кумыкский поэт Ибрагим Керимов рассказывал мне о беседе с Арсением Тарковским в подмосковном Переделкино. И тот подтвердил свое родство с дагестанским шамхалом Тарковским через одного из его сыновей, волею судьбы оказавшегося в давние времена в Польше. Как я предполагаю, у Тарковских не было желания афишировать свои родственные связи с дагестанскими князьями, не дружившими ни с царской, ни с советской властями. Редакция журнала сочла важным и интересным рассказать о хитро-сплетениях человеческих судеб.

А что вы скажете о винограде, выращенном в Каякентском районе, и вине, завоевавшей на престижнейшем ежегодном международном конкурсе вин во французском городе Бордо серебряную медаль? Посрамленные виноделы, привыкшие из года в год участвовать в этом состязании, не хотели

этому верить, зная, что никогда вино из России к такому конкурсу не допускалось и для них конкурентом не являлось. А тут — сразу второе место. Они готовы были примириться, по крайней мере, лишь с третьим, и выступали против. Но серебряные призеры Магди Багамаев и Сулейман Сулейманов, узнав

о кознях, возмутились, и жюри восстановило справедливость. Журнал следил за успехами предприимчивых каякентцев, рассказывая о них и радуясь вместе с ними.

А знаете ли вы, что знаменитый русский поэт Сергей Есенин, будучи за рубежом, отговаривал известного сегодня дагестанского художника Халилбека Мусаясул от преждевременного возвращения на родину, куда тот так стремился? И что последним адресатом Есенина, кому он написал свои последние строки перед гибелью, был уроженец Дербента? Что в университете американского штата Айова ежегодно лучшему выпускнику-химику присуждается премия имени дагестанца Наби Абдуллаева, работавшего здесь и пора-

жавшего своими успехами коллег и студентов, — знаете? Выпускник одной из буйнакских школ и Ленинградского университета, ставший затем аспирантом и профессором американского вуза, навсегда останется в памяти американских почитателей его таланта ученого и педагога. К скамье, на которой он любил сживать в университетском дворике, прикреплена табличка с его именем. Он погиб с женой и сынишкой Амиром в автокатастрофе. Но за океаном его помнят. Журнал

рассказал о человеческой памяти, неподвластной политике и времени.

А еще однажды редакция получила из-за рубежа большой конверт. В нем оказалась грамота, в которой выражалась сердечная благодарность Экономического университета болгарской Варны (цитирую): «Главному редактору журнала «Дагестан» за создание болгаро-дагестанских творческих коллективов и за утверждение сотрудничества между

Экономическим университетом и университетами Республики Дагестан». Далее дата — октябрь 2012 г., подпись — ректор, профессор, доктор Пламен Илиев, печать. За что же такая награда? Журнал оказался единственным печатным изданием в республике, настолько профессионально освещающим проблематику развития в республике туризма, что Дагестанский институт народного хозяйства (ныне университет) начал подготовку соответствующих специалистов. Обучение и производственную практику за рубежом, в Болгарии, прошли уже студенты нескольких курсов. С апреля по декабрь включительно 2011 года редакция под рубрикой «Тема года» ежемесячно публиковала две статьи — одну доцента болгарского университета Татьяны Христовой, вторую — дагестанских авторов. Специалист из Варны рассказывала о болгарском и вообще международном опыте в развитии туризма, а местный автор писал о проблемах туризма в нашей республике. Такая переключка оказалась весьма показательной. Так что я, имеющий множество грамот (других наград не приемлю) самого разного статуса и ведомственной принадлежности — от футбольных до политических структур, не очень удивился, получив грамоту из-за рубежа.

Не могу промолчать также еще об одной замечательной акции журнала. Редакция выиграла грант президента республики на командировки и публикацию материалов о жизни дагестанских диаспор в регионах России. Они печатались с марта по декабрь включительно под рубрикой «Посланцы республики» весь 2010 год. Корреспонденты журнала рассказывали и показывали, как живут и работают дагестанцы в областях, краях и региональных центрах. География получилась обширной, мы «захватили» Ростов-на-Дону, Москву, Астрахань, Ставрополь, Воронеж, Петербург, Ярославль, Саратов, Волгоград, Кострому... Это вызывало широкий положительный резонанс в самих диаспорах.

Коллеги попросили меня поделиться воспоминаниями к юбилею. Боюсь, что эти строки вдруг будут восприняты как от-

чет о проделанной работе. Но особо хочу подчеркнуть: все эти годы я старался исполнять наказ, данный мне учредителями журнала — озаботиться реальными повседневными делами и новинками дагестанской литературы. Далеко не все, что думалось и намечалось, удалось осуществить. Ошибок, огрехов можно найти немало. А если постараться, уйму. Это как всегда.

Но и тогда меня волновала скудность выбора при публикации литературных текстов. Через год после создания журнала ушел из жизни Расул Гамзатов, и стало совсем грустно. Найти новинку становилось все труднее. Через несколько лет литературная тетрадка уже не занимала, увы, половины журнального объема. Она и сейчас его не заполняет, однако встречаются и замечательные находки, с чем хочу поздравить редакцию. Много хорошего вижу в журнале, иногда звоню, поздравляю с удачной находкой коллег. Но это уже день сегодняшний. Поэтому ставлю точку.

Наида Хаспулатова

РАСТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

По всем имеющимся документам, в Дагестане земли в собственности больше, чем вся территория республики. А земельный вопрос всегда был самым сложным в республике. Сейчас, в эпоху товарно-денежных отношений, копий из-за земли ломается не меньше, чем прежде. Если не больше.

Престижно иметь собственный дом, да и бизнес у дагестанцев в крови — каждый хочет иметь своё маленькое дело. И тем важнее получить юридические права на свою недвижимость. И навести в этой сфере порядок.

Как идёт этот процесс, насколько заинтересованы в юридическом оформлении земельных отношений обычные люди и руководство Дагестана, мы решили узнать у Залбека Залбекова. Он третий год возглавляет филиал ФГБУ «ФКП Росреестра» по РД, называвшегося раньше Кадастровой палатой Дагестана.

— В своем выступлении в Народном Собрании в мае текущего года Вы рассказали о негативных последствиях того, что нашу республику не включили в федеральную программу «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости». А почему не включили?

— В правительстве Дагестана понимают, что это необходимо сделать, но из-за значительных затрат, которые требуются для реализации программы, республика пока не может полноценно участвовать в этой работе. Так, 30 процентов затрат должен оплатить субъект, остальное берет на себя федеральная целевая программа.

Отказ же от участия в программе, следует заметить, тормозит развитие дагестанской экономики в целом.

— Сейчас только у двух муниципальных образований республики есть официальные границы. А другие не собираются это делать?

— Отдельные муниципалитеты, где понимают необходимость учета земли и определения ее границ, реализуют программу за счет своих средств. Этим сейчас занят Сергокалинский район, в Буйнакске — при прежнем мэре Гусейне Гамзатове, велась активная работа, но после его отставки всё затихло...

Из 760 границ городских, районных, сельских муниципальных образований в Реестр внесено всего две границы — границы городов Каспийск и Избербаш. Отсутствие таких сведений приводит к образованию нежелательных конфликтных ситуаций при выделении земельных участков некоторыми муниципалитетами на территории смежных районов. Скажем, глава муниципалитета выносит решение о выделении земельного участка в пограничной зоне, а глава соседнего муниципалитета этот же участок выделяет совсем другому человеку. Возникает конфликт между двумя собственниками, причём каждый из них предъявляет постановление своей администрации.

Из 1618 границ дагестанских населенных пунктов в Реестр границ внесено всего 24. Как следствие этого — в том числе и бесконтрольные застройки земель сельскохозяйственного назначения.

Напомню, что единственным основанием установления границы населенного пункта является генеральный план. При этом согласно Земельному кодексу, границы городских, сельских населенных пунктов отделяют земли населенных пунктов от земель иных категорий (относительно

нашей республики это фактически граница между землями категории «земли населенных пунктов» и «землями сельскохозяйственного назначения»). И если мы говорим о передаче сельскохозяйственных земель в собственность, надо понимать, что отсутствие четкого отграничения их от земель населенных пунктов неизбежно породит осложнения земельных отношений в будущем.

В итоге экономия на участии в программе «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета» ухудшает деловой климат, снижает инвестиционную привлекательность, так как никто не будет вкладывать значительные средства в объект, земля под которым меняет хозяина при каждом новом главе муниципалитета. В такой ситуации невозможно гарантировать права на недвижимое имущество. А с точки зрения поступления доходов в бюджет это очень мешает сбору налогов.

— В Дагестане реализуется приоритетный проект развития республики «Обеление экономики», где отдельный пункт посвящен постановке участков на учёт. Что-нибудь меняется? Насколько

активны сами владельцы недвижимого имущества и бизнеса?

— Приоритетный проект главы республики «Обеление экономики» привел к увеличению объёма базы недвижимости. В рамках этого проекта последние три года муниципалитеты под кураторством Министерства экономики провели большую работу, наши группы из Кадастровой палаты выезжали почти во все муниципалитеты республики.

Сейчас в месяц обрабатываем 10 тысяч заявлений. Средний процент отказов — 17 процентов, в основном из-за некачественного материала кадастрового инженера-межевика. Всего за прошлый год в базу было внесено более 100 тысяч сведений об объектах недвижимости. Самые активные муниципальные образования — это Хасавюртовский район; сейчас к этому проекту подключилась Махачкала — в столице уже внесли более 10 тысяч сведений.

Проблемой пока остается то, что в городах и сёлах нет адресных характеристик. Ранее достаточно много постановлений о выделении земельного участка выходило без адреса с формулировкой «в районе», «около», «возле». И это создавало большие проблемы для идентификации при налогообложении.

— **И какую роль во всём этом играет Кадастровая палата?**

— Кадастровая палата — обязательное звено в учете и регистрации земли и объектов капитального строительства. Через муниципалитеты сначала документы попадают к нам, потом мы их обрабатываем, доводим до управления Росреестра. И только после этого Росреестр уже оформляет право собственности. Управление Росреестра, в свою очередь, выгружает базу в налоговую службу.

— **Какая часть территории Дагестана поставлена на учёт?**

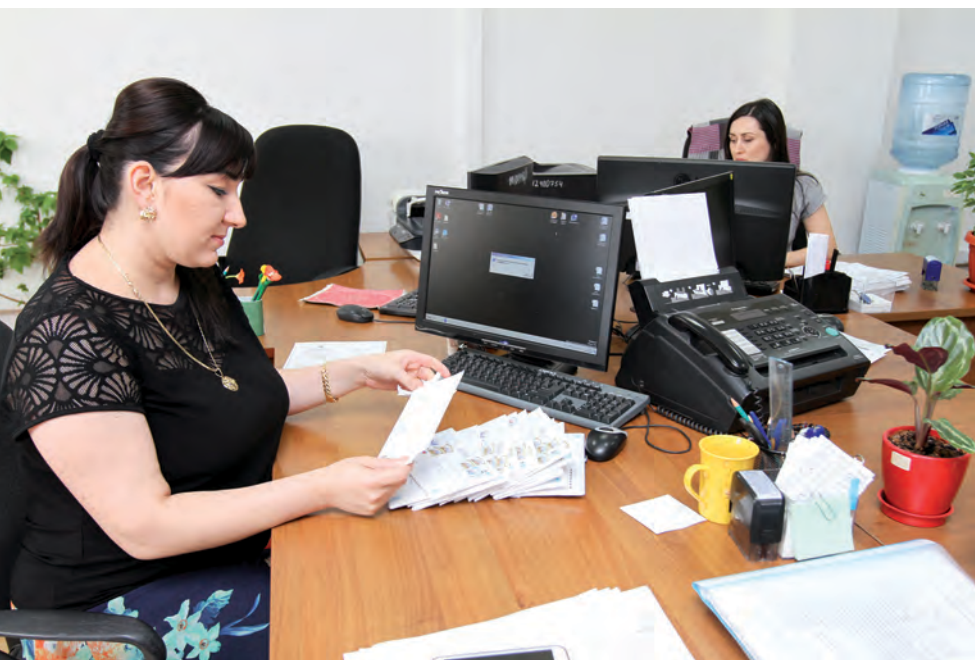
— Процедура регистрации носит заявительный характер, и мы можем говорить только про базу. В базе у нас по состоянию на 1 августа находятся 1 006 498 земельных участков и 673 000 объектов капитального строительства. К сожалению, есть так называемые ранее учтенные участки, у которых нет привязки к земле, — они переданы нашему ведомству по описям. Если сегодня и их считать, окажется, что по базам размеры имеющихся земельных участков превышают территорию Дагестана. Это связано с наличием дублей, «задвоенности» и «затроенности» сведений. Необходимо навести в этой сфере порядок, но без участия администраций муниципальных образований сделать это невозможно.

Об этом я и говорил в Народном Собрании. С вхождением в единую государственную систему регистрации прав и кадастрового учета недвижимости эта неразбериха полностью устраняется. Но сегодня узнать количество участков, которые ещё есть в наличии, но не выданы частникам, невозможно. Пожалуй, муниципалитеты и сами не знают, сколько их.

— **Вы довольны взаимодействием с республиканскими и муниципальными властями?**

— За три года лично я встретился практически с половиной глав всех муниципалитетов республики.

С республиканской властью также выработаны конструктивные отношения. Критику республиканской власти в свой адрес мы воспринимаем адекватно и исправляем ошибки. К примеру,

нарекания были по поводу коррумпированности наших отделов. Уже в первый год с момента моего прихода в управление Кадастровой палатой республики были уволены 85 сотрудников, в том числе и за коррупционные проявления. Регулярно проводятся служебные проверки. В случае обнаружения фактов, которые могут свидетельствовать о нарушении законодательства, мы сами направляем материалы в правоохранительные органы. Так, с 2015 года нами направлено 29 материалов.

Для более качественного предоставления услуг заявителям, Кадастровая палата республики еще два года назад первой в стране ввела новшество — комиссию по досудебному урегулированию споров. Опыт работы Кадастровой палаты Дагестана был оценен положительно, сегодня уже приказом Росрестра страны подобные комиссии созданы во всех субъектах России.

— Мы — единственный регион России, где есть мораторий на продажу земли. Как Вы считаете, этот мораторий нужен, или лучше пустить всю землю в свободную продажу?

— Плюсы и минусы есть у обоих вариантов. Кто-то опасается, что если объявить свободную продажу

земли, у фермеров и крестьян не будет возможности выкупить землю под ведение мелкого хозяйства, и вся земля достанется только крупным собственникам, а сами производители будут отлучены от земли. Это тоже неправильно. У тех, кто «за», тоже есть аргументы. Есть ещё и присущий только Дагестану очень запутанный вопрос с землями отгонного животноводства. Так что единственно правильного ответа тут нет.

— Сейчас горожане очень недовольны тем, как застраиваются их города — ни зеленых зон, ни нормальных тротуаров. Вы, когда регистрируете участок, проверяете его предназначение на соответствие градостроительным нормам?

— К нашему учреждению это не относится, это полностью прерогатива администрации муниципалитета, главного архитектора. Мы лишь можем проверить постановление на соответствие требований федерального закона в части наличия необходимых сведений. А то, что скверы застраиваются и дома строятся недопустимо близко... Мы, к сожалению, не имеем права отказывать. Есть документ, есть основание — мы его обязаны учесть.

— Сколько сотрудников работает в Кадастровой палате?

— Всего 456 человек, из них в Махачкале в головном офисе — 302. С 1 июля пошел очередной этап сокращений — еще на 45 единиц. Мы уже закрыли 27 офисов приёма документов в разных районах и городах, оставшиеся 16 в ближайшие месяцы тоже планируем закрыть, так как их функции переданы в МФЦ, которые есть в любом райцентре.

Мы будем продолжать обрабатывать документы, полученные из МФЦ. Сейчас заявитель будет видеть только работника МФЦ. Тот нам эти документы отправит и получит после обработки ответ — готовый документ.

— **Многие люди, особенно пенсионеры, жалуются, что очень дороги услуги кадастровых инженеров: технический или межевой план. Каждый из них может стоить 5–7 тысяч рублей...**

— Кадастровые инженеры не являются работниками Кадастровой палаты. Они физические или юридические лица, имеющие аттестат на ведение этой деятельности.

В связи с расширением полномочий Кадастровой палаты, мы можем заниматься изготовлением только лишь межевых дел, касающихся муниципальной и государственной собственности, для граждан мы сможем подготавливать межевые планы для исправления реестровых ошибок с 1 сентября 2017 года.

— **Вы относительно недавно возглавляете Кадастровую палату Дагестана. Что пришлось менять сразу?**

— Пришлось поменять подход к кадрам и подбору людей. Тех, кто давно работает и зарекомендовал себя, мы повысили в должности. Брали на работу людей со специализированным образованием, удалось добиться дисциплины и профессионализма коллектива. К примеру, было много нареканий относительно больших задержек в предоставлении услуг. С этим удалось справиться, сейчас нареканий по срокам оказания госуслуг практически нет.

— **Вам тяжело увольнять людей?**

— Конечно, это всегда тяжело, это всегда сложно...

— **Ваше хобби?**

— Я вырос в селении Манас Карабудахкентского района, всё детство на море провёл. И сейчас очень люблю море, плаваю.

Путешествия люблю, по России много ездил, везде интересно. Много по работе ездил в Сибирь, там понравилась природа — тундра, леса нетронутые, горные реки. Москва очень нравится, Азия очень интересная, колоритная, в Европе бывал. Из европейских стран самая интересная — Италия. Красивые люди, богатая история, вкусная еда. В Азии больше всего впечатлил Гонконг — центр цивилизации. В Америке очень увлекательно —

холодный деловой Нью-Йорк, яркие курортные Лос-Анджелес и Майами. США от других стран очень отличаются — совсем другая архитектура. И люди другие — бегают, спешат всё время, активные очень. В Европе всё размеренно.

— **Вы были в самых богатых странах мира. И наверняка задумывались, почему мы не живём так хорошо?**

— Там строй другой, система другая, капитализм отработан столетиями, у них есть история денег, люди состоятельные уже несколько поколений. А у нас все только начинается...

ЧИСТЫЕ И ГРЯЗНЫЕ РУКИ, ЧИСТЫЕ И ГРЯЗНЫЕ МЫСЛИ

Далгат АХМЕДХАНОВ

Замысел этой статьи родился после думских выборов прошлого года. Затем выборы президента, комментарии их в центральной и местной печати, полемика нашего журнала с еженедельником "Литературная Россия" только подливали масла в огонь.

Поделиться же с читателем хочется вот каким наблюдением. В последние месяцы впервые столь явно обозначилась новая мутация политиков. Ее появление, в общем-то, закономерно. Общественные потрясения даже в столь малой дозе, как выборы (не революции, все-таки), действуют на живые организмы как радиоактивное излучение - рождает их новые формы. Мутацию со знаком плюс, ведущую к прогрессу, мы еще называем более привычным словом "эволюция". К регрессу же ведет мутация в общепринятом - негативном - смысле: со знаком минус. О ней и речь.

Поскольку толчком для рождения новой политической популяции послужили выборы в Думу и президента и еще послужат разного характера выборы грядущие, то границу между плюсом и минусом определяет сегодня отношение к нынешнему президенту. Вопрос прост: какое отношение - одобрительное или осуждающее - является для государства и общества благом, а какое - нет.

Казалось бы, когда рейтинг президента столь высок, когда последние выборы показали, что большинство населения ему доверяет, рассуждать вроде не о чем. Но возникшая сегодня проблема в другом. В том, что часть (подчеркиваю: только небольшая, но "громкая" часть) людей, много лет громко ратовавшая за реформы, кото-

рые уже пятый год проводит президент, теперь его за это критикует. Мол, все не то, не так и вообще - делая что-то с обозначенными публично мотивами, на самом деле президент преследует (причем сознательно и коварно) совсем другие, "нехорошие" цели. Возникновение среди либералов, чьим взглядам доверяла значительная часть населения, новой "мутирующей" прослойки не может не беспокоить.

Не следует ли расставить для себя (у себя, в Дагестане) точки над "i"? Давайте порассуждаем.

Что, собственно, произошло? С тех пор, как либералы разошлись с приверженцами диктатуры (монархистами, коммунистами и т. п.) по разные стороны баррикад, часть их впервые в критике власти практически с ними сомкнулась. Не хочется думать, что столь неожиданное единение аргументов (пусть даже только в одной "номинации" - критика президента) продиктовано для этой части либералов, как и для новых их союзников, меркантильными интересами. Не хочется - памятуя о высоких побуждениях демократов и веря в их прежнюю искренность. Увы! Чем-то иным нынешнюю метаморфозу объяснить труд-

но. Разве только политической близорукостью? Во что не верится. Меркантильность в качестве стимулятора подобной мутации все-таки более излечима в отличие от банального недомыслия.

В чем эта "союзническая" аргументация заключается? Как можно судить по высказываниям с телеэкрана, из публикаций "неолибералов" в центральной и местной печати, она сводится, если обобщить, к нескольким основным положениям.

Праздник демократии закончился, говорят они. Выходит, это правление Ельцина они считают демократией. Уж не считают ли они, что это народ в Москве правил? Или, может, в регионах? Не поэтому ли слово "демократ" стало для большинства "непродвинутого" населения почти ругательным?

Не потому ли оно стало таким, что праздник демократии даже не начинался? Вот разве только сейчас забрезжила надежда... Упрекают еще в пиаре... В искренность слов и поступков президента априори не верят. Фактов в упор не замечают, или толкуют по-своему. Почему? Либо - понимая истину в душе, но на словах отрицают. Либо - будучи убеждены, что политик не может на публике быть самим собой. Народная мудрость отреагировала на такую позицию давно и однозначно: "Каждый меряет другого на свой аршин".

К неверию в президента примыкает и такой тезис: трудно понять его логику. Наверно, трудно, если искать в его словах скрытый смысл. И, конечно, трудно, если скрытого смысла в них нет. Как сказал китай-

ло таким, что праздник демократии даже не начинался? Вот разве только сейчас забрезжила надежда... Упрекают еще в пиаре... В искренность слов и поступков президента априори не верят. Фактов в упор не замечают, или толкуют по-своему. Почему? Либо - понимая истину в душе, но на словах отрицают. Либо - будучи убеждены, что политик не может на публике быть самим собой. Народная мудрость отреагировала на такую позицию давно и однозначно: "Каждый меряет другого на свой аршин".

К неверию в президента примыкает и такой тезис: трудно понять его логику. Наверно, трудно, если искать в его словах скрытый смысл. И, конечно, трудно, если скрытого смысла в них нет. Как сказал китай-

ский мудрец: трудно найти в темной комнате черную кошку, которой в ней нет. Дополнительный их довод, который звучит то явно, то между строк: можно ли доверять бывшему работнику КГБ. О чем он говорит? Только о том, что отождествление сталинско-бериевских застенков с КГБ последних советских лет свидетельствует об отсутствии всяких аргументов в его пользу.

В вину президенту ставится и безнаказанность чиновников. Когда же она родилась? Сегодня? Вчера? Четыре года назад? При Ельцине? Может, при советской власти (когда сама власть по отношению к народу была преступной)? Или еще при царе? Сакраментальное "воруют" было сказано классиком две сотни лет назад. Воровали и до него. Но появились ли сегодня, наконец-то, обнадеживающие признаки борьбы с этим злом? Сказать трудно. Если и да, то такие махонькие... Пойдут ли они в рост - уверенности нет. Но ростки все-таки есть. Почему только сейчас? А вот это как раз понятно: всему свое время - в порядке очередности. (Какая очередность разумна - разговор отдельный.)

Раздаются стенания, что после Ельцина мы стали возвращаться в рабское состояние. А разве мы из него выходили? И кто в сохранении рабства преуспел - центральная или региональная власть? Тяжелая это работа - выдавливать из себя раба. Так что - это как у кого получается...

Много шуму наделало письмо из тюрьмы нефтемагната М. Ходорковского о кризисе в России либерализма. Не берусь судить, насколько оно искренне, но то, что кризис налицо - сомнений нет. Однако налицо не кризис либерализма как такового, ибо либерализму привержены в нашей стране миллионы людей. И взгляды их не претерпели изменений. А в кризисе оказались отдельные лидеры либерального движения, которые вовсе его собой однозначно не олицетворяют. К сожалению, их громким голосам во время предвыборной кампании поверила часть избирателей на местах. Я, например, всегда голосовал и голосую за СПС, разделяю взгляды Ирины Хакамады, но за исключением всего того, что она нагово-

рила вместе с Немцовым в адрес президента во время предвыборной агитации. Молодец, что выдвинула свою кандидатуру, зная наперед, что не победит. Понимаю и одобряю ее мотивы. Но ее обвинения... Как можно быть такой несправедливой! Нет, чтобы подтвердить: "Да, Путин делает все правильно, но я буду делать еще лучше", она утверждала, что президент не прав. И продолжает твердить это после выборов, доходя порой, закусив удила, до прозрачно-закамуфлированных грубостей. Это в ситуации, когда любой непредвзятый человек понимает, что происходит в стране.

Излюбленный аргумент неоли-

бералов, которых действительно поразили кризис, - это их ужас по поводу "захвата партией власти" большинства мест в Думе и формирование почти однопартийного правительства. Любопытно, что в дискуссиях никто не напоминает им о подобном захвате победившей на выборах партией мест в парламентах демократических стран Европы, Америки, Азии. Ведь это же банальная истина: победившая партия формирует свое правительство, выдвигает премьер-министра и главу государства. Или избранный большинством глава государства формирует кабинет министров из членов своей команды. И это позволяет избранным народа проводить обещанную ему свою внятную политику. Только так - не тратя время и силы в пустом словоблудии. Когда же это впервые произошло в России, поднялся невообразимый гвалт. Ладно бы со стороны левой оппозиции - это ее способ существования, но ведь и бывшие лидеры СПС и руководитель "Яблока" тоже туда же. Неужто обида за неизбрание в Думу настолько застлала им глаза? И обида на кого? На

избирателей, которые разобрались, кто прав, а кто - нет? На президента, который по их "разумению" не пустил либералов в парламент? Или на местных пропрезидентских чиновников, которые их отодвинули? В последнем случае обида, возможно, и обоснована. Но так и обращались бы с ней по адресу! При чем тут президент, которому такая "помощь" - медвежья услуга. Разве интересы страны - не выше всего? Для всех - правых и левых (искренних и честных). Интересы же сегодня в том, чтобы президент мог эффективней проводить реформы. И если Дума будет ему больше помогать и меньше мешать (не в пример прежнему составу), то и замечательно. Даже если в ней большинство мест занимает партия чиновников. Что не есть очень хорошо, как и то, что такое сообщество не является партией в общепринятом смысле. Ну и пусть. Таковы наши особенности переходного периода - от социализма к капитализму.

Примечательно, что либералы-перерожденцы в возникновении партии власти тоже обвиняют Путина. Не знаю, так ли это. Но меня сейчас не волнует, кто ее создал. Такая партия в нашей стране возникла бы в любом случае - при любой власти. Это и не партия вовсе, как уже сказано, а сообщество людей, которые власть поддерживают. Поддерживают не потому, что обязательно и искренне разделяют ее идеологию, те или иные ее действия, а потому - что она власть. Им удобней с властью, чем вдали от нее... И если президент опирается на этих людей, поскольку других нет (не на компартию же с Зюгановым опираться, а либералы перед народом так опростоволосились), то уж лучше на них, чем быть в Думе без опоры. Народ ведь законы не принимает, он их ждет, для чего президента и выбрал, доверяя ему, надеясь на его инструментарий. "Дума-инструментарий" - это тоже особенность переходного периода. Временная. Либералам-перерожденцам следовало бы это понять в интересах страны.

И еще один похожий "ужастик": правительство, видите ли, сегодня зависит от Кремля. Боже мой, чего в этом упреке больше: непонимания или нежелания понять? От кого же оно должно зависеть? Или - ни

от кого, быть само по себе? Тогда - от народа? Разве сегодня в странах демократии не так, хотя там слова "Кремль" нет, а есть президенты, короли и королевы. И есть лидеры партий, которые становятся премьер-министрами, если их выбрал народ. У нас народ избрал Путина. Кого в этом виноватить - народ или Путина?

Смешными были в этой связи возмущения: конкуренции, мол, Путину нет. Что, дескать, это за выборы! Но кто в этом повинен? Президент? Или политическая элита? Если ее таковой можно назвать, поскольку в ней не нашлось ни одной достойной альтернативы. Вот что на самом деле страшно.

Вспомним и расхожий протестный аргумент новой правой оппозиции: не пойдем голосовать, и так, мол, все ясно. В чем его ущербность - одним не объяснишь: не поймут, не смогут. Другие - понимают. Но неоллибералы!.. Они вроде из тех, кто понимают, а вот поди ж ты! О равнодушных же не говорю, им все равно, кого выберут или кто бросит в урну за них бюллетень. Их Бруно Ясенский так охарактеризовал, что лучше не скажешь: "Не бойся врагов - в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей - в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных - они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство".

В сомнениях о том, куда ведет страну Путин, к чему он уже ее привел - все от лукавого. Куда уж яснее, чем то, что он говорит и делает. Вообще, в спорах о путях страны: что лучше, что хуже, почему у нас все так, а не этак, в копании в опыте других стран - упускается главное, основополагающее. Это главное перечеркивает все остальное, если на нем "все остальное" не базируется. Это главное - единственный в истории человечества наш столь долгий и столь бессмысленный опыт строительства нового общества, не соответствующего законам человеческого бытия, его социального строя, экономического (вернее - неэкономического) механизма его функционирования. Этот опыт отягощен к тому же менталитетом пребывающей в рабстве до конца XX века страны. О каких зарубежных аналогиях можно говорить? У нас все впервые! У нас все не "как у людей". У нас такой путь,

какой никто никогда до нас не проходил. И теперь - это уж точно - проходить не будет.

Поэтому надо бы учиться на ошибках - чужих и, преимущественно, своих, но не копировать слепо опыт других: хоть Америки, хоть Китая, хоть Франции, хоть Японии. Вот в Тихом океане, на островах, принадлежащих Франции, бюджетники (это, видимо, бывшие папуасы, поработанные проклятыми колонизаторами) получают зарплату в 10 тысяч американских долларов в месяц, а пенсию - 85% от зарплаты. Каково? А Бисмарк еще в XIX веке высказался в том духе, что можно попробовать построить со-

циализм, только нужно выбрать страну, которую не жаль. Судьба или кучка фанатиков выбрали привыкшую к рабству Россию. И мы получили то, что получили, что расхлебываем сейчас. Разве до Путина не было Ельцина? Советской власти? Монархии? Так что лучше ему помогать, а не мешать, что вдруг сегодня стала делать, присоединившись к левым, и часть либералов. В этом Михаил Ходорковский в своем письме прав.

Хочу подчеркнуть: несогласие с предвыборной позицией лидеров СПС, с их последователями в регионах, в том числе и у нас, в Дагестане, вовсе не означает, что позиция самой партии СПС перестала быть мне близкой. Я не состою ни в какой партии, но я убежден: интересам страны наиболее отвечает позиция СПС, и не случайно в ее руководстве произошел раскол.

Все, что сказано выше, продиктовано желанием предостеречь читателя (простите такую самонадеянность) от модного для России во все времена неприятия верховной власти. Что было, вероятно, справедливо многие сотни лет (кроме

времени Александра II - царя-освободителя) включительно по "царствование" Ельцина. С Путиным же современной России, считаю, повезло. Но когда вслед за мутирующими политиками в центре недовольство президентской политикой начинают выражать их последователи на местах, мнящие себя столь же "крутыми" аналитиками, это вызывает недоумение. У "центровиков" свой резон, а у местных? Видно, очень хочется прослыть "крутым" оппонентом власти. Вот только почему лишь центральной? Впрочем, понятно: она далеко и ей не до невнятной критики из провинциального Дагестана. Да, претензии к власти - дело святое. Но если претензии обоснованные. Если же они строятся на песке, если высказываются лишь бы "выкнуть", если, облачаясь в привлекательную для неприятельного читателя протестную форму, по содержанию они несправедливы, то такие претензии приносят не пользу, а вред. Ибо отвлекают внимание от глубинных причин существующих проблем, решением которых занимается президентская власть (именно президентская, и только она).

О порядочности президента, искренности его слов, намерений и действий, помимо всего, что происходило в нашей стране в последние четыре года, свидетельствует его поведение и в последние месяцы. И не только. В наши дни не требуется мужество, как прежде, чтобы верховную власть ругать (в отличие от критики в адрес всякой другой). Труднее, думаю, не боясь обвинений в лизоблюдстве, не стесняясь власть президентскую похвалить. Тем более, если чувствуешь, что в опровержение привычной мысли "политика - грязное дело" впервые в нашей стране за последние сто лет политика лидера страны делается чистыми руками.

P.S. Эта статья предназначалась в июньский номер (№ 3) журнала, но в нём не хватило места. Публикация была отложена на август. И надо же: в июле в своём № 28 газета "Аргументы и факты" публикует на стр. 4 статью В. Костикова "Почему либералы так не любят В. Путина?". Почти та же тема, почти та же позиция. Значит, проблема сия, что называется, носится в воздухе.

Наида Хаспулатова

ЧЕМ ВЬЕТНАМЦЫ ЛУЧШЕ ДАГЕСТАНЦЕВ

Пыльная, шумная стройка в центре Махачкалы, возведено уже несколько этажей. С десятков строителей тащат арматуру, складывают стену. Все рабочие ярко выраженной азиатской внешности. Если внимательно присмотреться к нашему бурно растущему городу, эти характерные лица можно увидеть больше чем на половине строек – и многоквартирных, и индивидуальных домов.

И вроде бы всё хорошо – строятся новые дома, люди честно зарабатывают свой хлеб. Если бы не массовая безработица в Дагестане. По данным министерства труда и социального развития РД, уровень зарегистрированной безработицы у нас – 2,9%, а уровень общей безработицы – 12 % экономически активного населения. Становятся на учет далеко не все, так как не видят смысла бегать с бумажками ради пособия в 800 рублей в месяц. И при том, что десятки тысяч дагестанцев сидят без работы и не могут кормить свои семьи, всё больше в нашей республике работающих вьетнамцев, азербайджанцев, таджиков.

Причем не только в Махачкале. Вьетнамских и корейских рабочих можно увидеть даже в селах на строительстве домов и соцобъектов. В то

время как местные жители могут устроиться только в школы и больницы. И молодежь в поисках куска хлеба вынуждена покидать свою малую родину. А рядом, своим же сельчанам строят дома вьетнамцы. Парадокс...

И ГРУЗЧИКИ У НИХ ЛУЧШЕ

Заместитель министра труда и социального развития Дагестана **Абулмуслим Ханипов** курирует выдачу квот мигрантам. По словам Ханипова, квоту получить сложно. Фирма должна подать целый пакет документов, в которых обоснует необходимость именно этого специалиста. Затем министерство, которому подчиняются все центры занятости, проверяет, есть ли такие безработные специалисты в Дагестане. И разрешают ввозить иностранцев, только если не могут предложить дагестанского специалиста. В прошлом году квоты получили 1633 иностранца.

Некоторые из них вполне логичны и объяснимы – наладчики нового оборудования на заводе, мастера китайской медицины и китайского массажа, несколько поваров экзотической кухни – итальянец, тайланец и т. д. Но таких узкопрофильных специалистов в списке всего несколько десятков. В основном в квотах строители – каменщики, отделочники, и даже такелажники, что, по сути, означает грузчик. Вроде бы строителей у нас и своих в избытке. Но многие предприниматели предпочитают работать с иностранцами.

У ДАГЕСТАНЦЕВ – СПЛОШНЫЕ СВАДЬБЫ И ПОХОРОНЫ...

Руководитель строительной компании «Дагестан-Москва» **Закарья Салаватов** один из немногих, который легально на протяжении последних десяти лет использует иностранную рабочую силу для возведения многоэтажных жилых домов.

В этом году его компания получила право привлечь шестьдесят рабочих строительных специальностей из Турции. Из опыта Закарьи Салаватова, регулярно сталкивающегося с дефицитом квалифицированных кадров на местном рынке труда и вынужденного прибегать к найму трудовых мигрантов, следует, что турецкие рабочие, по ряду показателей, значительно превосходят своих коллег, прибывающих в республику из Средней Азии и Азербайджана.

«Нельзя игнорировать тот факт, – утверждает Салаватов, – что Турция – довольно эффективный источник квалифицированных кадров на мировом рынке в сфере строительства, благодаря которому мы можем не только решить проблему дефицита строительной рабочей силы, но и многому научиться.

По сравнению с дагестанскими работниками, турецкие рабочие гораздо дисциплинированнее: соблюдают дисциплину, не нарушают сроков строительства, могут работать в режиме аврала, более квалифицированы, что положительно влияет на прирост качества и скорость строительства. Особенно они востребованы при возведении каркасов – важной составляющей части строительства, обеспечивающей прочность и устойчивость дома. На дагестанском рынке труда подобных специалистов пока, к сожалению, нет.

Что касается выполнения иных строительных и монтажных работ, то нами широко используются местные трудовые ресурсы.

Отдельно хотелось бы отметить работу дагестанских мастеров высокого класса – каменщиков и отделочников, которые, однако, востребованы в строительстве индивидуальных домов.

Таким образом, с учетом данных обстоятельств, привлечение иностранных работников в экономику Дагестана в разумных пределах является объективной необходимостью».

Выход, по мнению Закарьи Салаватова, только один – довести знания и опыт дагестанских работников до современных требований, предъявляемых работодателями к уровню квалификации, что невозможно сделать без возрождения строительных ПТУ и систематического повышения квалификации на уровне государственных программ. Только в этом случае, можно говорить о заполнении вакансий российскими гражданами.

По оценкам экспертов, в Дагестане работает 6–7 тысяч иностранцев – вьетнамцы, корейцы, азербайджанцы, таджики, узбеки. Основные отрасли – строительство, торговля, особенно на необъятных базарах Хасавюрта, пекарни, ну и попрошайки – к счастью для нас, дагестанцев среди них почти нет. Большинство строительных компаний, да и просто граждан, использующих иностранцев, делают это нелегально. Поэтому согласились разговаривать только на условиях анонимности. Мотивация не связываться с дагестанцами у них та же – низкое качество труда и плохая дисциплина.

Особенно бизнесменов возмущают прогулы из-за бесконечных свадеб, похорон, семейных проблем – и в итоге срыв обязательств перед дольщиками. И неоправданные амбиции дагестанцев, когда каждый хочет с первого дня в профессии зарабатывать, как опытный мастер.

Безработные дагестанцы с ними не согласны. По их словам, они готовы работать сколько угодно, но зарплата должна быть такой, чтобы можно было хотя бы скромно жить. Юсуп из Цунты возмущается: «Мы за качество отвечаем, но нас никто не нанимает. В основном отделку делают вьетнамцы или азербайджанцы. Они берут за работу в 3–4 раза дешевле. Если вьетнамец 300 долларов в месяц заработает, вся его семья на родине может нормально на эти деньги жить. Нам должны предоставлять работу по достойной цене, чтобы мы могли жить у себя на родине. Мы и налоги будем платить, пусть работу дают».

ВЬЕТНАМЦЕВ В ДАГЕСТАНЕ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВООБЩЕ НЕТ

Самое интересное, что заполонивших Дагестан вьетнамцев в квотах нет ни одного. Хотя именно их больше всего на стройках. Да и один из рынков Хасавюрта так и называется – вьетнамский. С нелегальной миграцией обязана бороться миграционная служба. Около ворот

ФМС постоянно толкуются люди явно не дагестанской внешности – из-за ужесточения закона по трудовой миграции они хотят работать по трудовым патентам – иностранцы получили за первые три месяца 2014 года 1758 патентов – в 5 раз больше. В прошлом году с их помощью из республики было выдворено более четырехсот человек. Из задержанных – 60% вьетнамцев, затем идут азербайджанцы. Въезд запрещен более 5 тысячам человек. Но вьетнамцы продолжают целыми автобусами приезжать из Москвы.

Бороться с незаконной трудовой миграцией, по закону, обязана не только ФМС. Должны помогать полицейские и местные власти, которых напрямую должны задевать все минусы незаконной миграции – безработные местные жители и неполучение налогов в муниципальный бюджет. Но большинство глав муниципалитетов закрывают глаза на незаконных гастарбайтеров на своей территории. Почему? – тема уже для отдельной статьи.

Ситуация сложная. В противоречие входят, с одной стороны интересы безработных дагестанцев. С другой – интересы бизнеса. Разорившиеся фирмы – это тоже очень плохо. Легальные рабочие обходятся дороже. Значит, меньше будет прибыль, и что хуже всего, в нашем бедном регионе резко вырастет стоимость жилья.

РЕСПУБЛИКА ПРОИГРЫВАЕТ, ДАГЕСТАНЦЫ – ТОЖЕ. КТО В ВЫИГРЫШЕ?

Эксперт-экономист Халил Халилов считает, что при всей обоснованности претензий к дагестанским рабочим – низкая дисциплина и высокие требования, для Дагестана использование иностранной рабочей силы абсолютно невыгодно. «С каждого рубля, оплачиваемому налоговому нерезиденту, республика теряет 30% налога на доходы физических лиц, тем более, этот налог полностью поступает в консолидированный бюджет республики. К тому же теневые зарплаты иностранной рабочей силе ставят в неконкурентное состояние местные трудовые ресурсы, и в то же время создают криминализованную среду в сфере трудовых отношений».

Выход Халилов видит в том, чтобы усовершенствовать политику в сфере использования труда иностранной рабочей силы, из-за пробелов

которой государство теряет миллиарды рублей налоговых доходов. Для этого в числе прочих мер предлагает изменить в налоговом кодексе РФ правила предоставления социального имущественного налогового вычета и ввести норму, когда вычет разрешат работодателям при предоставлении документально отраженных платежей по оплаченным работам по строительству и ремонту домов с соответствующими выплатами по НДФЛ. «Чтобы главы муниципалитетов не закрывали глаза на незаконных гастарбайтеров на своей территории, необходимо изменить распределение НДФЛ между бюджетами, увеличив доли отчислений на уровень районов и поселений. И также необходимо поддержать создание Ассоциации мастеров строительных специальностей (по примеру отраслевых ассоциаций Германии), чтобы подрядчики работ могли выбрать зарекомендованных, с багажом портфолио мастеров, строительные бригады, создание цивилизованного рынка республиканского рынка рабочей силы в каждой отрасли».

В современном мире многие работают в разных странах. И это совершенно нормальное явление. Но в обязанности государства входит защита интересов своих граждан. Человек должен иметь возможность достойно жить и завести семью. В западных странах и США почти невозможно устроиться на работу, на которую претендуют местные граждане. Так что иностранцам достается или низкоквалифицированный труд или топ-профессии – наука, творчество и т. д., где могут быть незаменимые. Те же каменщики в Великобритании зарабатывают по 2–4 тысячи фунтов стерлингов в месяц. Наши бы были счастливы и тысяче, и меньше, но кто их туда пустит?

ДАГЕСТАН И ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР

С другой стороны, к сожалению, наши профессионалы, как и экономика, как и госуправление и т. д. не выдерживают конкуренцию на мировом рынке труда. Во многом виновата развалившаяся система ПТУ, во многом – неоправданные амбиции и коррупция в вузах, когда любой может «купить» высшее образование, не зная толком ни одного предмета. И предпочитает быть безграмотным юристом или экономистом, чем хорошим рабочим. Восстановление профессионального образования и дифферен-

циации школьников – с этим может и обязано справиться только государство.

Мы, дагестанцы, конечно, не готовы к тому, чтобы, как в Европе, на свадьбе рядового человека было человек 20, на похоронах вообще только родные дети. Но желающих работать у нас будет всё больше и больше. Россия, к счастью, далеко не самая бедная страна в мире. Нашествие строителей и пекарей мы уже увидели. Дальше, судя по большим городам, они внедрятся в общепит. В Москве сейчас пошла мода в нянечки и домработницы брать филиппинок. Нанимательницы такой выбор прислуги объясняют тем же, что и руководители строительных компаний – филиппинки, в отличие от россиянок, профессиональны, дисциплинированы, спокойны. Скоро это поветрие доберется и до нас. И если дагестанцы не захотят меняться, на что они будут жить в современном мире, в условиях рыночной экономики?

Про нелегальную рабочую силу и говорить не хочется. По данным экспертов, минимум 70% этого рынка нелегалны. Тут всё понятно – они не платят налоги, зато, естественно, дают взятки определенным госструктурам, чтобы на них закрывали глаза. Тут должны бороться правоохранительные органы. С помощью, естественно, общества. Хотя бы тех, чьи места забирают гастарбайтеры. Но ведь все молчат. В принципе, это можно сказать почти про все стороны нашей жизни.

Андрей МЕЛАМЕДОВ

ДАГЕСТАНСКОЕ ЗОЛОТО РОССИЙСКОГО ФЕРМЕРСТВА

В республике, по данным министерства сельского хозяйства, зарегистрировано более 40 тысяч фермерских хозяйств. Реально работает лишь четверть из них, хотя в свое время более 40 тысяч человек получили земельные участки для организации собственного производства.

Почему же одни из них сумели организовать

прибыльные производства, а другие прогорели? Ответ получил во время беседы с одним из самых успешных дагестанских фермеров **Магомедом АЛИБУЛАТОВЫМ**, руководителем КФХ «Азамат». По его мнению, у большинства дагестанских фермеров изначально были все необходимые условия для организации

стабильных хозяйств – предприимчивость, умение работать на земле, устойчивый спрос на продукцию. Вот только большинство из них этими благоприятными факторами воспользоваться не смогли. А многие, может, и не захотели.

– Я считаю, – говорит Магомед, – что многим моим коллегам помешали два обстоятельства. Первое (и самое главное) заключается в том, что у большинства фермеров «первой волны»

отсутствовала культура работы с кредитными ресурсами. Попросту говоря, большинство наших фермеров (а именно они в свое время стали первыми клиентами Россельхозбанка) воспринимали кредит не как ресурс для развития производства, а как подарок. И вместо того, чтобы потратить его по назначению – купить трактор, семена, скот, саженцы, – строили дома, приобретали квартиры, машины, мебель. И в итоге оказывались в многолетней кредитной кабале без надежды на развитие. Земля при этом практически не использовалась.

Вторая проблема тоже внутренняя и связана она с использованием наемного труда. Дело в том, что на определенном этапе развития (это неизбежно) семья фермера перестает справляться со все возрастающими объемами работы. И начинает приглашать работников со стороны. Как правило, сетуя при этом, что добросовестных работников сегодня днем с огнем не найти, что «наемники» работают спустя рукава, да при этом еще и привороживают при случае. В результате фермер нерадивых работников рассчитывает и нанимает новых. Которые работают еще хуже, а воруют еще больше (как правило, наемные сельхозработники кочуют от одного фермера к другому, все более и более проникаясь философией временщика).

Между тем есть простые методы, позволяющие из любого человека сделать преданного помощника, грамотного работника, заинтересованного в результатах своего труда. Придуманы они не мной. Расскажу о том, как я пришел в сельское хозяйство. Хотя я родился в семье сельского ветврача, образование получил совсем «непрофильное» – окончил филологический факультет ДГУ. И получил направление в Миусишинскую сельскую школу родного Дахадаевского района, где около трех лет проработал учителем вместе с супругой (она тоже выпускница филфака).

В какой-то момент понял, что если хочу чего-то добиться, необходимо полностью поменять

свою жизнь. И уехал в Калмыкию работать чабаном. Работу эту я знал (семья у нас большая, двенадцать братьев и сестер, так что скота мы всегда держали много, иначе бы не выжили). Проработал пять лет и в 1988 году вернулся в Дагестан. И вот теперь подхожу к самому главному, к тому, из-за чего я и вспомнил свою калмыцкую чабанскую эпопею. Тогда я отчетливо понял, как грамотно строить отношения с наемными работниками. Дело в том, что чабанам в те годы платили мало (я получал вдвое меньше, чем в школе), но зато позволяли держать в общественной отаре собственный скот. Это был мощнейший стимул к ударной работе – богатеет хозяйство, богатеешь и ты. И наоборот. В общем, к концу пятого года работы в Калмыкии мое личное стадо насчитывало 1500 голов овец и более 50 голов крупного рогатого скота – достаточный капитал для открытия собственного дела (к этому времени в стране как раз началась перестройка). «Довеском» к этому капиталу было понимание того, что наемного работника необходимо превращать в компаньона, только тогда отдача от него будет стопроцентной.

Забегая вперед, скажу, что все мои работники (сегодня рядом со мной постоянно трудятся 14 человек), помимо достойной зарплаты, получают право держать в моем стаде личный скот. Кроме того, на днях я сдаю «под ключ» двухэтажный 10-квартирный дом для своих рабочих. Квартиры в нем двухкомнатные, в каждой есть ванна и кухня. Плюс ко всему прекрасный вид из окон на склоны Тарки-Тау. Коммунальные услуги буду оплачивать из своего кармана. И скажите начистоту, кто будет работать лучше – «временщик», думающий лишь о том, чтобы отработать день и получить свои деньги, или человек, которого я сознательно превратил в своего компаньона...

После Калмыкии Алибулатов занимался заготовкой кожсырья для турецких заводов. Зарабатывал достойно, вот только удовлетворения от работы не испытывал. Все чаще и чаще задумывался об организации собственного дела. Которому мог бы посвятить всего себя без остатка. В 1998 году он, наконец, решился. Обратился в администрацию Махачкалы с просьбой выделить ему заброшенные земли на окраине Ленинкента. И в скором времени стал хозяином четырех гектаров земли.

Правда, в реальности этих гектаров оказалось чуть больше трех – по краю выделенного участка проходил глубокий ров, огороженный высоким

Дом для рабочих

валом. Как оказалось, это был след Великой Отечественной войны – в этом месте были построены оборонительные сооружения на случай, если фашистам удастся прорваться в Дагестан. Чтобы подготовить землю под строительство (в этом месте Алибулатов планировал возвести несколько животноводческих ферм), Магомеду пришлось изрядно потрудиться. Впоследствии он подсчитал, что для выравнивания участка с него понадобилось вывезти около 2700 «камазов» земли.

Много времени и средств потратил фермер и на прокладку водопровода к своему участку – как известно, без воды сельхозпроизводство невозможно. Сначала проложил трубы от асфальтового завода на окраине Махачкалы, но эта идея себя не оправдала – давление в них оказалось значительно ниже нормы. Тогда Алибулатов на свой страх и риск (времена тогда стояли лихие) врезался в Миатлинский водовод, проходящий рядом с его участком. А чуть позже (в это время Магомед как раз срывал вал, проходящий по его участку), он неожиданно откопал подземный источник. Как рачительный хозяин, он сразу же забетонировал огромный резервуар, и сегодня у него есть собственное озеро.

На двух гектарах, прилегающих к трассе, он разбил сад. Посадил абрикосы и черешню. Чуть ближе к горам заложил виноградники, занявшие около полутора гектара. Завел 15 коров и около 800 голов овец и коз, поскольку к территории хозяйства вплотную прилегают лесные массивы и пастбища. И начал готовить проект строительства козьей фермы, поскольку уже давно мечтал выйти на республиканский рынок с нестандартной

продукцией – козьим молоком и сыром. Тут Магомеду, прямо скажем, повезло. Как раз в это время министерство экономики республики объявило конкурс на лучший инвестиционный проект. Алибулатов решил принять в нем участие и неожиданно для себя оказался победителем. В качестве приза ему выделили кредит на два года.

«Было трудно, – рассказывает Алибулатов, – но помогла поддержка администрации Махачкалы, помощь Саида Джапаровича, который много сделал для развития и расширения производства».

Сегодня козье стадо Алибулатова насчитывает около 600 голов. Первоначально он отправлял козье молоко на махачкалинский рынок, где оно пользовалось большим спросом. Но потом от этой идеи пришлось отказаться – продавцы на рынке начали разбавлять козье молоко коровьим, а то и просто водой из-под крана. И чтобы не терять марку в хозяйстве решили все козье молоко направлять на производство сыра. Сегодня эта продукция Алибулатова востребована не только в Дагестане, но и далеко за его пределами. Однако от идеи продажи козьего молока фермер не отказался. Недавно он закупил итальянское оборудование, позволяющее разливать козье молоко в литровые и пол-литровые бутылки. Он уверен, что эта продукция в Махачкале будет востребована, поскольку козье молоко – это готовое природное лекарство от пневмонии, туберкулеза, астмы и еще множества серьезных заболе-

ваний. В успехе Магомед не сомневается. «Простая математика, – говорит он, – сегодня в супермаркетах литр козьего молока стоит от 180 до 200 рублей.

Я же намерен продавать его значительно дешевле – от 100 до 130 рублей за литр».

Через три года после посадки сад Алибулатова начал активно плодоносить. Началась отгрузка на рынок и первых тонн собственного винограда. Полученная прибыль сразу же вкладывалась в производство. В скором времени рядов с козьей появились овцеферма, молочно-товарная ферма, откормочный комплекс, кормоцех. Свободных денег катастрофически не хватало и фермер начал активно сотрудничать с Россельхозбанком. На сегодняшний день

Алибулатов взял в этом банке уже шесть кредитов, каждый из которых погасил досрочно. За что и получил почетное звание «Надежный клиент», которое, помимо всего прочего, позволяет ему без всякой очереди обращаться в Россельхозбанк за очередным траншем. «По существу, – рассказывает Магомед, – сегодня для меня в этом банке открыта кредитная линия. И если мне понадобятся средства для дальнейшего развития, я их получу без всяких проволочек».

С развитием дела у Алибулатова обстоят более чем нормально. Фермер практически не стоит на месте, ежегодно увеличивая объемы производимой продукции. Сегодня в его хозяйстве помимо коз содержится около 2000 овец, 400 голов крупного рогатого скота, поставленного на откорм. А поскольку процесс откорма занимает около четырех с половиной месяцев, за год Алибулатов откармливает более тысячи голов крупного рогатого скота. Это позволяет ему ежегодно производить более 200 тонн мяса, около 150 тонн молока и около двух тонн шерсти.

Кроме производства своей продукции КФХ «Азамат» занимается закупкой, дорастиванием, убоем и реализацией крупного и мелкого рогатого скота. Только в минувшем году «Азамат» выплатил государству 411 тысяч рублей в виде сельхозналога.

Естественно, такая активность фермера не осталась незамеченной. В 2007 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Республики Дагестан», он стал лауреатом проекта партии «Единая Россия» – «Профессиональная команда страны». Кроме того, Алибулатов неоднократно награждался почетными грамотами Российской Федерации, Минсельхоза Калмыкии, Республики Дагестан и администрации города Махачкалы. В 2011 году ему присвоено звание «Почетный работник АПК России».

В конце августа этого года Магомед принял участие в двадцать первой международной ярмарке «Агрорусь», проходящей в Санкт-Петербурге. В официальной церемонии приняли участие Президент РД Магомедсалам Магомедов, министр сельского хозяйства Дагестана Сатмар Амиров. Алибулатов, единственный из представителей Дагестана, завоевал на ней золотую медаль в номинации «Лучшее крестьянско-фермерское хозяйство России». Надо сказать, что это «золото» у Алибулатова далеко не первое. Он постоянный участник выставки «Золотая осень» и с каждой из них неизменно возвращается с медалью. А то и с тремя (по итогам 2010 года, к примеру, он завоевал 2 золотых и одну серебряную медаль).

Руководитель КФХ «Азамат» избирался делегатом восьми съездов АККОР от дагестанских фермеров. 1–2 марта 2011 года в Тамбове проходил 22 съезд АККОР. На нем Алибулатова избрали в президиум, где также присутствовал Владимир Путин, который после завершения съезда общался с членами президиума. Чуть позже, в Москве, на выставке «Золотая осень 2011», Магомед в числе лучших аграриев страны был приглашен в Кремлевский дворец съездов на встречу с первыми лицами государства. Именно тогда все таблоиды опубликовали высказывание Путина, который, увидев Алибулатова, сказал: «А этот человек мне знаком».

Награды КФХ «Азамат» сегодня занимают не одну полку в серванте. Но по количеству полученных медалей он все равно проигрывает своим трем сыновьям, Азамату, Казбеку и Артуру. Разносторонние спортсмены, они неоднократно становились чемпионами России и Европы по различным

единоборствам. А младший, Артур, уже трижды завоевывал золотую медаль на чемпионате мира по восточным единоборствам. В итоге под награды сыновей Магомеду пришлось выделить отдельный сервант. В этом году свой вклад в «детскую копилку» наград внесла и дочь, окончившая с золотой медалью махачкалинскую гимназию № 35.

Воспитанием детей Алибулатов занимается очень серьезно, поскольку уверен, что всякий раскол в обществе напрямую связан с недоработками в семейном воспитании. Об этом он не раз и не два говорил на заседаниях Общественной палаты Дагестана, членом которой является уже не первый год. Он и вошел в нее, обеспокоенный негативными процессами, происходящими в обществе.

Разговаривая с Алибулатовым, задал ему вопрос, занимающий меня не первый год. С одной стороны, руководители российского агропрома стараются убедить общество в том, что сельское хозяйство изначально является дотационной отраслью, и без помощи

государства не выживет. С другой – в последнее время публикуется все больше данных о том, что сельское хозяйство за границей давно уже превратилось в высокорентабельное производство, при котором каждый гектар в среднем приносит в год около 30 тысяч долларов прибыли.

«В сельском хозяйстве, – ответил мне на это Магомед, – по большому счету, убыточных отраслей нет. Тем более что государством приняты реальные программы развития АПК, которые успешно претворяются в жизнь. Это и льготные кредиты «Россельхозбанка», и различные субсидии, и возможность использования лизинговой политики. Хорошо работают такие программы как «Семейная животноводческая ферма», «Поддержка начинающих фермеров». Так что успеха на этом поприще добиться можно. Надо лишь поменять отношение к сельскохозяйственному производству, к земле. Внедрять новейшие технологии, заниматься не только производством, но и глубокой переработкой продукции, грамотно работать с кадрами. А главное жить в мире и согласии. И тогда мы, уверен, получим не только 30 тысяч долларов с гектара, а намного больше».

Влада Бесараб

Пленэр

КРАЙ НЕСУРОВЫХ ГОР

Когда пишут о селении Кулушац, что в Лакском районе, непременно указывают, что это родина Героя Советского Союза Ризвана Сулейманова и поэта Нуратдина Юсупова (кстати, сейчас селом руководит его внук, названный в честь знаменитого деда). Художник Джаннат Юсупова из рода других Юсуповых, но Кулушац — село настолько маленькое (сейчас в нем живет меньше ста человек, а в начале века было почти четыреста), что все выходцы из него так или иначе приходятся друг другу родственниками.

В Кулушац нет памятников древней архитектуры или уникальных народных промыслов. И никаких важных исторических событий тут не происходило. Поэтому туристы сюда не заглядывают. Но мы подумали, что ведь именно таких сел, где люди испокон веков занимаются сельским хозяйством и живут тихой размеренной жизнью, — в Дагес-

тание большинство, и любое из них достойно того, чтобы рассказать о нем. И потом, не зря ведь говорят, что красота в глазах смотрящего. А Кулушац мы увидели глазами Джаннат Юсуповой.

Считается, что до нынешнего месторасположения Кулушац находилось недалеко от Унчукатля, где до сих пор сохранилось название места — «Кулушалу». Есть предание, что в этой местности было очень много змей. Рядом с Кулушалу есть небольшая горка, которую и поныне называют «Гьаттахаллибаклу»

находился аэропорт Кумуха, да и сам Кумух недалеко — около пяти километров. Раньше старшеклассники из Кулушац пешком ходили в школу в райцентре, потому что в самом селе школа (была и есть) только начальная. Сейчас детей, конечно, возят.

К горам, окружающим Кулушац, совсем не подходит расхожий эпитет «суровые», потому что даже в зимних пейзажах у Джаннат они совсем не суровые, а уж летом — тем более. Хотя, как и везде в горах, от природы здесь можно ждать любых сюрпризов. Бабушка художницы рассказывала, что во время войны школьники отправились за дровами в лес, довольно далеко от села (и сейчас здесь топят в основном кизяком и хворостом, газ в баллонах экономят).

(от слова гьатта — змея) — горка змеиная. Говорят, именно поэтому часть жителей Кулушалу переселились на новое место, где образовали селение Кулушац.

Как бы там ни было, а место было выбрано удачно, чтобы выращивать хлеб и овощи, а также пасти скотину. В советские времена поблизости от села

*Отцовский дом моего деда
Юрлова Д. 1971*

в селе на видном месте. Рядом с ним — пушки XIX века. Такой вот временной сдвиг, сближение исторических пластов, ибо все войны достойны памяти.

Джаннат Юсупова бережно хранит планшет и нож прадеда, с которыми он прошел Великую Отечественную. Прабабушка передала их именно ей вместе со своим серебряным поясом — единственным, что осталось от ее некогда богатого приданого. Остальное пришлось продать, чтобы прокормить двоих детей.

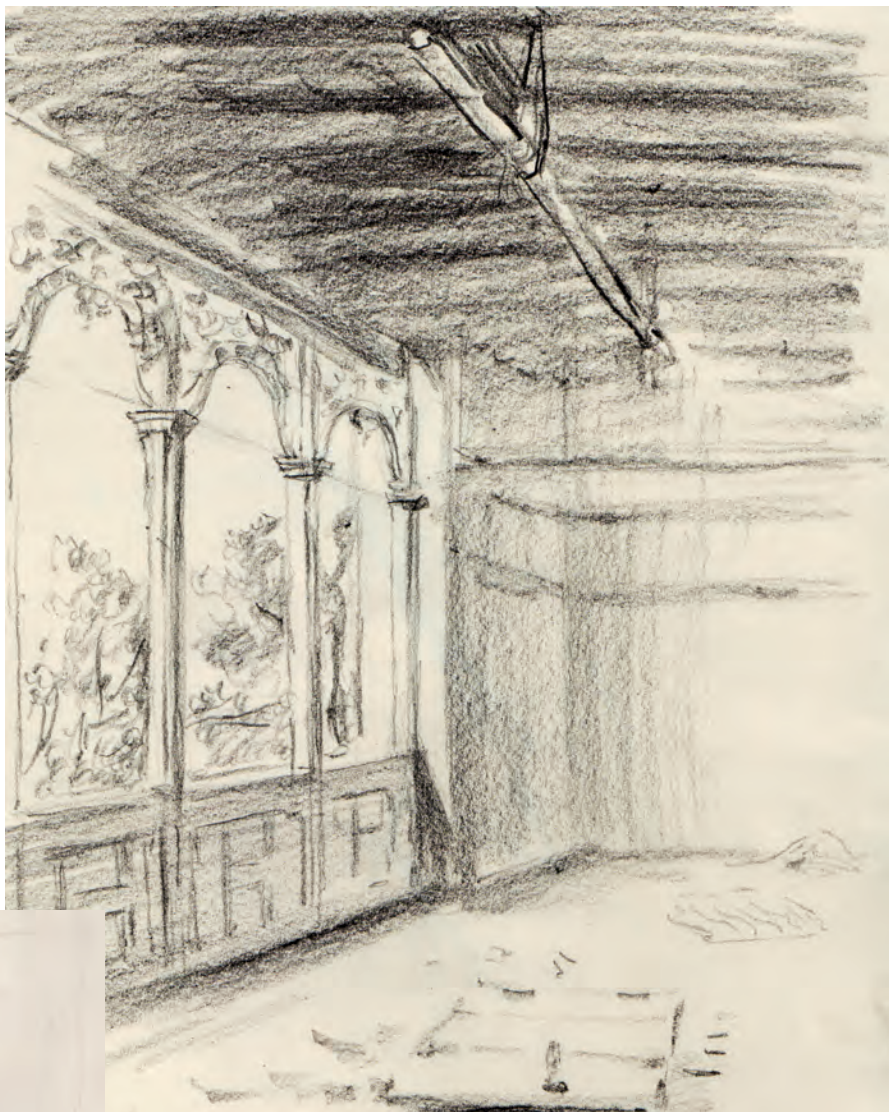
Погода стояла теплая, поэтому все были легко одеты и босиком. Но вдруг резко похолодало, пошел снег, сгустился туман. Дети едва успели погрузить дрова на осликов, которые были с ними, но в тумане было совсем не видно дороги. Кто догадался довериться животным, уже не вспомнить: замерзшие школьники шли наощупь, крепко держась за ослиные хвосты, и через несколько часов блуждания в темноте и тумане вышли к селу, где их уже встречали перепуганные взрослые.

С войной и послевоенными годами связаны многие воспоминания старожилов села. В Кулушац гордятся не только подвигом Ризвана Сулейманова, но и чтят память о 62 сельчанах (а всего на фронт ушли 95 жителей аула), которые пали на полях сражений. Небольшой, но очень трогательный и ухоженный монумент солдатам, погибшим во время Великой Отечественной войны, стоит

Воспоминания прабабушки, бабушки и других пожилых родственников и соседей Джаннат записывает так же тщательно, как зарисовывает виды села. И по тому, с какой нежностью, с какой искренностью она перебирает эти предметы и фотографии, как пересказывает, становится понятно все-все про нее саму и ее отношение к искусству. Будьте уверены, этот автор и в преклонном возрасте будет чувствовать так же тонко и писать так же светло.

Особенность таланта (или это свойство характера?) Джаннат в том, что она в своих работах передает ту самую красоту, которая должна спасти мир. Она изначально видит этот самый мир гармонично прекрасным, где люди в ладу с собой

и природой. Им не жаль серебра и драгоценных тканей, главное, что дети выжили, выросли и выучились, и пусть они уехали из села, вот уже их внуки возвращаются сюда со своими детьми.

Да, революции, войны, репрессии разнесли-разметали многих далеко от родной Лакии, а голод и болезни выкосили еще больше народа дома, но главное, что потом опять наступили мир и покой.

Старое зеркало в заброшенном доме с каменными розетками у входной арки не разбилось, не треснуло, а лишь немного потускнело и покрылось пылью. Дом еще крепок, хотя и заброшен уже не один десяток лет. Но пыль и паутину легко вымести, вставить в окна новые стекла, вымыть их с синькой, протереть с уксусом! И «дом кулака» можно восстановить: подправить резные столбы на веранде, выкрасить заново в ярко-голубой, как небо в этих краях.

Джаннат смахнула пыль с зеркала — и в мутном, колеблющемся серебре старого стекла проступило ее отражение. Молодая художница — современная, блестяще образованная, думающая — золотое звено в цепи поколений.

Светлана АНОХИНА

АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА РАЗМЕРОМ С ТАРЕЛКУ

Влюбом городе найдутся места, с особенной сгущенной энергетикой. И если бы существовали специальные карты, то на общем ровном фоне эти места пульсировали бы ярким красным или оранжевым цветом. Это могут быть дома, где царит такой возвышенный дух, что даже простой колбасный огрызок выглядит предельно духовным. Там поэты, всклокоченные и бледные от недосыпа, читают друг другу вирши, а музыканты рвут струны, пытаясь в три аккорда вместить то, что никуда и ни при каких обстоятельствах не помещается. Это могут быть квартирки, где двое слились в одно, задраили двери и окна, и время в темноте заплутало, споткнулось о кресло, охнуло и, завязнув само в себе, устало растеклось где-то в углу. Но чаще все-таки это бывают мастерские художников.

Там вообще все отдельное. Другие запахи, иные формы, и способ проживания единственной человеческой жизни – свой. Ни на что не похожий. Никогда не поверю – и не пытайтесь меня убедить, – что воздух в мастерских той же плотности, что и в домах обычных граждан. Нет, он густой, он наэлектризованный и если проявить известную ловкость, то можно поймать рукой пролетающий мимо зазевавшийся образ, подобрать лежащую у стены гениальную идею. Потому что все, что происходит в мастерских, – происходит по-другому. Не так, как в обычных человеческих домах. По-другому здесь пьют, по-другому скандалят, даже грешат совершенно по-другому. А уж какие сюда на огонек забредают Люди! А какие они приносят с собой Истории! И все оседает на стенах и потолках, создает аномальную зону и каждый каждому здесь друг, товарищ и неперемный гений. И не надо никакой вашей экзотики и Африка ваша не нужна, и берег турецкий... – отстаньте, даже не уговаривайте! Зачем, когда вот тут рядом, в пределах Махачкалы есть «батырка»?

«Батырка» – это мастерская по улице Батырая, где уживаются семь человек, пара кошек и бесчисленное количество расписанных вручную фарфоровых тарелок. Лет 15 назад эту мастерскую основали другие люди, потом, как полагается, были приливы и отливы и в результате остались Сапигат (она же Сапик), Наида и Сергей, а еще Диана, Изета (Иза), Марат и Альфия.

Вроде бы семь душ на одну мастерскую многовато. Будь семерка хоть трижды сакральным числом,

а не переругаться невозможно. Но вот им как-то удается. Даже нет, не так. Ругаться-то они наверняка ругаются, люди все-таки, к тому же творческие, а значит импульсивные. Но, чтобы ссора, настоящая, с обидой на всю жизнь и полным разрывом – такого нет. Похоже, они сотворили себе этот маленький мирок, расписали его семью цветами, а потом восхитились его хрупкостью и красотой и договорились оберегать. И его и себя в нем.

Потому и прижились здесь праздники. Весь город (во всяком случае, лучшая, самая живая и продвинутая его часть) в курсе, что Старый Новый год надо встречать на «батырке». Здесь обязательно будет шумно,людно и весело. И старая, еще советских лет традиция рисовать к празднику газеты тут еще жива. Их и сейчас покажут – только попросите. Снимут откуда-то со шкафа рулон. Развернут. Шаржи, шуточные стишки, с намеками понятными только посвященным, одним словом, кусочек очень личной истории. И общее ощущение такое, будто все это – семья. Просто родители деликатно удалились, чтоб не мешать, а гостя встречают взрослые дети. Два брата и пять сестер.

«Диана рядом вздыхает, Сапик смеется или Иза роняет кисточку – это все звуки, которые составляют привычный, необходимый фон. И когда кто-то долго не появляется, то возникает смутное поначалу, а после все более и более отчетливое чувство дискомфорта. Чего-то, верней, кого-то недостает, чьего-то голоса, чьего-то присутствия мучительно не хватает».

Когда они, все семеро вместе – это классно. В смысле, и для гостей классно. Всегда найдется кто-то, кто сможет оторваться от своей работы, присесть рядом на диванчик и поговорить. Иногда это просто треп «за жизнь», легкий необременительный, с анекдотами. Иногда (а как же без этого!) беседа приобретает характер философский и возвышенный. Все, в принципе, зависит от личности собеседника, от общего настроения и возможно еще от расположения звезд. Но, слава Богу, здесь, на «батырке» как-то не принято впадать в патетику и тут не услышишь отвратительно высокопарную фразу «мое творчество». Она бы просто не прижилась, потому что какой-то студенческий здесь дух, хотя все люди уже совсем взрослые, даже можно сказать – солидные, и все при работах. Кто трудится в Худфонде, кто в музее, кто в школе, а один – так даже журналист.

Но называют друг друга «девочками» и «мальчиками». «Что-то девочки задерживаются» или «мальчики наши совсем аморфные стали». Звучит сначала странно, а потом прислушаешься и понимаешь – все правильно.

«Мастерская – это, наверное, всегда молодость. В обычной жизни столько всякой ерунды, столько гнили и гадости, а приходишь сюда и все смывается, сползает с тебя. Честно говоря, дома только о том и думаешь, как бы все дела поскорее закончить и улизнуть в мастерскую».

Так и делают. После основной работы непременно сюда. Иногда даже в выходные. Родным это, наверное, не слишком нравится. Ведь в мастерских всегда холостяцкий дух, замечали? Человек семейный, он какой? Основательный, понятное дело, рассудительный и еще осторожный. Скорее консерватор, чем что-либо еще. А любое творчество предполагает авантюризм, неугомонность и жадный, азартный поиск нового. Непрестанный гонимый бег. Короче, все то, что обозначается в народе словом «холостяк». И будь человек хоть трижды женат, но когда он садится за письменный стол, встает перед мольбертом, берет в руки гобой или там валторну, то моментально делается совершенно холост. Жены, мужья, дети (пусть даже очень-родные-дорогие-любимые) – это все остается там, за порогом. Через пару часов выйдешь и они опять с тобой. Но пока ты здесь – ты вольная птица и рядом все такие же вольные.

«Раньше у нас здесь вообще коммуна была. Дневали и ночевали. Спали вповалку на одном диване. Ложались поперек, чтобы побольше народа уместилось, под ноги табуреты, стулья и выключались. Это, может, и не надо бы писать, не так поймут... А на самом деле никакой двусмысленности и в помине не было. Мы просто валились с ног от усталости. Один вставал, шел работать, другой – ложился на свободное место. И круглые сутки работала наша печка. Старая, большая, родня тем гонимым печам, про которые мы читали в детских книжках. Туда, внутрь, входили бесконечными рядами только что расписанные тарелки и выходили с проявившимся ярким цветом, совсем другие. И воздух был раскален от этой печки и от нашей молодости».

Разумеется, все это дело незамеченным не оставалось. Тонкое дрожание повисало над мастерс-

кой, круги от него шли по городу, эманации проникали повсюду и на это чутко реагировали те, у кого есть специальные рецепторы. Усики или антенки какие. Ну, а если оставить метафизику, то можно просто сказать, что в мастерскую потянулся народ. Шли на веселье, на молодость и просто по естественной склонности находиться там, где славные люди что-то славное делают. Вот так сначала знакомые кого-то приводили, а потом этот кто-то начинал приводить сам и приводить уже своих знакомых. Таким же образом однажды здесь появился Педро. Черный как баклажан. Ну, Педро и Педро, что мы, в самом деле, Педров не видали что ли? Но позже случилась одна забавная история. Сидела себе как-то

Сапигат и увидела Глаз.

«Смотрю, кто-то в дверь заглядывает. Я к выходу, а он как припустит! Ну я ему и кричу «Педро!». Повернулся. Слава Богу, – думаю, – не ошиблась. А то ведь неудобно, они же для нас все на одно лицо. Зашел, значит, сел. Я ему – чаю. Сидим разговариваем. Долго уже сидим. Я все спрашиваю: «Еще чаю?» и жду, что он вот-вот скажет: «Спасибо, хватит», в смысле, засиделся я у вас что-то, пойду, пожалуй. Но не тут-то было! Пьет как ни в чем не бывало. Даже по нужде ни разу не вышел. И так мы где-то часа три просидели, а потом он спрашивает: «Простите, а как вас зовут?». Оказалось, что я совсем постороннего негра в мастерскую затащила! Но кто ж мог представить, что в Махачкале найдутся два Педро?!»

А ничего удивительного, между прочим. И вполне можно предположить, что этот второй Педро около мастерской ошивался не просто так. Он был странным для нашего города человеком, непохожим и, естественно, его притянуло в странное и непохожее место. Туда, где ни цвет его кожи, ни гражданство, ни ломаная речь значения не имели. И не его одного притянуло.

К примеру, возникли как-то в мастерской маленькие корейские люди. Их тоже, конечно, кто-то привел, но приятнее думать, что они сами возникли. Типа, не было, а потом – раз! И уже стоят. Просветленные до невозможности. Потому что оказались эти корейцы проповедниками Церкви Христа. Но геенной огненной не страшали, спасения души в обмен на имущество не сулили, не охмуряли медовыми голосами, а только встали в круг, взяли за руки и пропели какой-то свой псалом. Чтоб было, значит, всем счастье. А хозяева сначала опешили от неожиданности, а потом ничего, пришли в себя. Ну, поют люди, и пусть себе поют. Значит, надо так.

Да и не принято здесь человека тормозить, одергивать. Макс вот, то есть Муксин Камалов, он тоже – как приходит, так сразу с порога начинает петь. Ни чаю не попивши, ни о здоровье не спросив. А разные прочие заходящие музыканты, художники, операторы да поэты – безобразничают. Во всяком случае, законопослушные граждане так бы это называли. Потому что, в самом деле, что за крик и смех, и галдеж, когда люди, понимаешь, с работы и всякое такое. Хорошо еще, что мастерская стоит обособленно и соседи никакие не лезут. А впрочем, чего им

лезть? По словам хозяев, здесь собирается «недобитая интеллигенция», а это в большинстве своем народ тихий, к буйству не склонный. Даже если кто и напивается, то куртуазно и высокохудожественно.

«К нам вообще попадают какие-то все больше духовные люди. А если – иностранцы, то славные, простые совсем. Вот был один парень, американец, и все говорил: «Мне так нравится в Махачкале, так нравится!». Мы удивлялись, что ему после его Америки здесь может нравиться? А оказалось, что его родители миссионеры и он с ними где-то в джунглях полжизни прожил. Конечно, ему после этих самых джунглей Махачкала показалась оплотом цивилизации!»

Не все иностранцы, захаживавшие на «батырку», были такие неискушенные и простодушные. Один, к примеру, особо практичный намеревался открыть в Дагестане свой маленький бизнес. Ну, типа разводить кенгуру... Или страусов? В мастерской по этому поводу нет единодушия, точно никто не помнит, а отдельные товарищи утверждают, что не о кенгуру шла речь и не о страусах, а совсем даже о ламах. Это, хоть и не кенгуру, а тоже не кот чихнул. Лама – животное серьезное. Ну, да бог с ним, с этим зверьем. Тем более, что бывали в мастерской люди поэзотичнее, а в отдельных даже проскальзывало что-то, как бы так поточнее выразиться, цереушное, что ли... Но и от таких особенно не таились. Да и что они, собственно, могли разведать? Тайный секрет надглазурной росписи и квадратуру тарелки? Стратегию кайтагского орнамента и тактику муфельных печей? Так что их не гнали, а наоборот, встречали приветливо и, как положено радушным хозяевам, вежливо интересовались: «Ну, как дела на шпионском фронте?».

Впрочем, обывателя всем этим, наверное, не удивишь: известное дело – «богема»! Несерьезные люди, «девочки» и «мальчики» до седых волос! Порхают по жизни. Правда, при этом забывается,

что легкая атмосфера, смех и гости – это, как бы правильное сказать, побочный продукт. А центрообразующая штука – работа. Иногда радостная и легкая – по вдохновению, иногда занудная – на заказ, но всегда и неизменно – Работа. Все эти тарелки и блюда и чашки с чайниками, белые, нетронутые. Ждущие, что вот сейчас на их поверхность бросят пригоршню бабочек, рыбью стайку, пусть по кромке орнамент, вырастят дерево, а из него уже вырастят и дом... Да что перечислять, сами можете увидеть на внутренней стороне журнальной обложки.

И вот здесь бы самое время сменить тон и перейти к проблемам. Посетовать на то, что вкусы у населения крайне непритязательные. Очень простые вкусы. Что исключительной красоты авторские работы не очень-то раскупаются («недобитая интеллигенция», способная их оценить, традиционно небогата), а вот тарелки с «видами-моего-села» – так наоборот. Влет уходят. Что иногда приносят старинный фарфор с тонким рисунком и просят покрыть тарелку золотом, потому как «у нас – это модно». Или можно подробно рассказать о технологии росписи, о том, какие краски используются, и как далеко за ними приходится ездить. Ну, короче, написать что-то в завершение, чтобы рассказ об «аномальной зоне размером с тарелку» стал не легковесным, а наоборот, серьезным, проблемным и читатель одобрительно поцокал бы языком – «глубоко копнули».

Но делать этого не хочется, да и задача такая не стояла, чтобы «копать». Стояла другая – заставить всех, кто прочтет, позавидовать. Из-за того, что они на «батырке» не свои, что не нарисованы на них шаржи, не сложены истории, а их росписи нет среди множества настенных автографов. Сначала жадно, остро позавидовать этим людям, этой жизни, совсем не похожей на скучную нашу, а потом немедленно создать вокруг себя такую же. Или хотя бы похожую.

Влада Бесараб

ТАНГО В ПРИМОРСКОМ ПАРКЕ

Для концерта на летней площадке Дагестанской государственной филармонии в сопровождении Большого концертного оркестра под управлением народного артиста Дагестана Магомеда Абакарова исполнительница, чей голос уже успели оценить любители музыки Махачкалы, Халида Абуева выбрала программу «Танго».

Вся атмосфера летнего вечера, открытой эстрады в приморском парке как нельзя лучше подходила именно для танго. В тот вечер звучало русское, французское, итальянское, испанское и, конечно, аргентинское танго.

Халида Абуева выросла в семье известных дагестанских музыкантов. После окончания Махачкалинского музыкального училища она продолжила учебу в Одессе, успешно окончив консерваторию по классу альта, работала в оркестре Одесской филармонии, потом начала петь, что, по ее признанию, было довольно неожиданно для всех.

Последние годы Халида Абуева живет и работает в Москве, являясь солисткой сразу двух коллективов (театра танца фламенко «Almasdel Fuego» и оркестра балканско-цыганской музыки «EXILADOS»), активно гастролирует, а также участвует в фестивалях и других творческих проектах.

Дагестанские зрители впервые услышали бархатное меццо-сопрано Халиды несколько лет назад на юбилейном вечере ее отца, народного артиста Дагестана Мурада Абуева. Тогда же у руководства филармонии родилась идея пригласить ее в Махачкалу с сольным концертом.

— Летняя эстрада Дагестанской филармонии совсем недавно открылась после масштабной реконструкции. Как вам работалось на этой площадке? Есть ли для вас принципиальная разница, где петь — в зале или на открытом воздухе?

— Принципиальной разницы нет. Разные ощущения. Тут, у моря, звук просто парит в воздухе.

— **И проходящие поезда слышно!**

— Поезда я не слышала. Вообще я хотела привезти программу, которую можно было бы исполнить с несколькими музыкантами, но Магомед Абакарович Абакаров предложил выступить с оркестром и сделал необходимые аранжировки, за что я ему безмерно благодарна. Я в оркестре знаю практически всех: с кем-то вместе училась, кто-то учился у папы, так что чувствовала себя комфортно — как дома.

— **Программа не предусматривала дагестанской музыки, а вообще вы ее исполняете?**

— В моем репертуаре есть несколько песен Мурада Кажлаева. Почему именно Кажлаева? Во-первых, я знакома с его музыкой с детства. Мои родители играли его произведения, мы с ансамблем скрипачей играли несколько его пьес. «Снова в горы» — до сих пор мое яркое музыкальное впечатление детства. А во-вторых, я — эстрадная певица, а он пишет эстрадную музыку. Мне было бы очень интересно поработать с Кажлаевым. Знаю, что он всегда очень внимательно относится к людям, которые исполняют его произведения: он может даже внести изменения в партитуру, сместить акценты, чтобы именно этот инструмент или тембр звучал более выигранно для конкретного исполнителя.

— **Музыка других наших композиторов есть в вашем репертуаре?**

— У меня просто нет эстрадного музыкального материала

дагестанских композиторов. Но я могу привести пример, как современные российские композиторы популяризируют Дагестан. Замечательный музыкант Иван Антонов, с которым я сейчас сотрудничаю, несколько лет назад приезжал в Махачкалу с Марио Али Дюранд-Сутуевым, выступал в его программе как гитарист. После концерта, как водится, гостей повезли в Дербент, и древний город так впечатлил Ивана, что он написал пьесу «Дербент». Когда у нас были совместные гастроли по Сибири, она там успешно исполнялась, а также звучала в Оренбурге, Самаре и других городах. А потом Антонов написал еще пьесу «Аварская нежность».

— **Насколько я знаю, в аварском языке нет «нежных» слов.**

— Вот именно! Нет слова «нежность»! Этот факт так поразил Ивана, что вдохновил на творчество.

— **Вы поете на разных языках — испанском, итальянском, цыганском, а на лакском?**

— На лакском не пою и, к сожалению, его не знаю. Пока. Но, что интересно, хотя я выросла в интеллигентной семье, где все чисто говорили по-русски, и давно не живу

в Дагестане, у меня очень твердое произношение звука [х], которое проявляется во время студийных записей!

— **О-о-о, это знаменитое махачкалинское [х]! У меня такое же!**

— Оно бывает очень кстати, когда поешь на испанском.

— **Ваша сестра Сияна — композитор. А вы пишете музыку?**

— У меня есть небольшой опыт. Мы с моим мужем Максимом Яковлевым (он гитарист, аранжировщик, аккомпаниатор) много лет сотрудничаем с композитором Николаем Лисунцом и в том числе сделали с ним авторскую программу «Осенние встречи». В первом отделении программы звучат его песни на стихи поэтов Серебряного века: Цветаевой, Ахматовой, Брюсова, Блока... И когда мы писали диск, что-то у меня не складывалось с песней «Поздно» на стихи Бальмонта. В итоге музыку к ним я написала сама.

— **Бардовская песня, романсы, танго, фламенко, джаз — вы все пробуете, вам все интересно. А ещё вы недавно поступили в Институт современного искусства. Зачем, если певческая карьера и так складывается?**

— Мне хочется совершенствоваться, а в музыке всегда есть чему учиться. Есть технические вещи, которые ты не можешь услышать сам, обязательно нужен педагог. Я брала частные уроки, но это было как-то разово, бессистемно. И о том, чтобы поступить в институт, не думала. Но однажды увидела объявление о кастинге на рок-оперу «Преступление и наказание» в Театре мюзикла: режиссер — Кончаловский, композитор — Артемьев. И подумала: «Это будет не просто интересно, это будет круто! Я хочу работать в этом проекте!». Я уже почти пришла на кастинг, когда засомневалась: а что я буду читать, что показывать. В общем, моя нерешительность привела меня к поступлению в институт. Он был как раз рядом с Театром мюзикла. Я рада, что у меня появился замечательный педагог по вокалу, у нас абсолютное взаимопонимание. Учеба в ИСИ — это не только занятия вокалом, но и актерское мастерство, музыкальная литература, сценическая речь. Очень увлекательно.

— Заметно, что учеба доставляет вам удовольствие. Ваши родители — блестящие педагоги, воспитавшие целую плеяду музыкантов. А вы преподаете, видите себя на этом поприще в будущем?

— У меня есть опыт преподавания, и мне это очень нравится. По опыту своих родителей я знаю, насколько это непросто, какая это ответственность, но в то же время какая радость, когда твои ученики добиваются успеха в профессии. Пока что мне сложно преподавать где-то на регулярной основе, я слишком занята своей собственной музыкальной жизнью, но в будущем мне бы хотелось этим заниматься. Надеюсь, к тому времени я как раз обрету необходимые знания и уверенность в себе.

— Вы чувствуете себя продолжателем музыкальной династии Абуевых?

— В детстве меня очень раздражало, когда бабушка говорила: «Ты должна соответствовать фамилии Абуевых», это сильно давило. Обычная детская реакция. Сейчас я горжусь тем, что принадлежу к этой семье. Родители для меня — эталон, причем не только в профессии. Я буквально напитываюсь культурой, когда приезжаю к ним. Я вижу, как мама готовится к концертам: подбирает стихи, ищет что-то интересное об истории произведения, и мне тоже хочется рассказать зри-

телям, как была написана та или иная песня, кто был ее первым исполнителем. Иногда такие интересные истории открываются, что меняют твои представления о, казалось бы, уже до боли известных произведениях, меняют тембр, характер, состояние произведения. Хочется и зрителя погрузить в это состояние.

— Мы заметили это на вашем концерте, было интересно узнать много нового. Обращает на себя внимание и то, что многие вещи вы пели и на языке оригинала, и в русском переводе, почему?

— Мне, как и большинству слушателей, всегда было интересно знать, о чем поют зарубежные исполнители. Тут очень важно найти «свой» перевод, и мне в этом плане невероятно повезло, потому что для меня переводит муж моей сестры Игорь Лосинский. Например, мне очень хотелось спеть знаменитое танго Астора Пьяцоллы «Chetangoche». Его блестяще исполняет Мильва, долгие годы бывшая его музой. Именно ей он его и посвятил, написав музыку на стихи Борхеса. Есть запись этого танго, где Мильве аккомпанирует Гидон Кремер. Игорь сделал потрясающий

перевод, сохранив музыку стиха, музыкальный размер! И знаменитое «Парижское танго» Брюна, известное публике в исполнении Мирей Матье (исключительно на немецком, как оно и было написано), я исполняю на русском языке, в переводе, сделанном специально для моей программы. Кстати, Горан Брегович, приезжая в ту или иную страну, всегда записывает свою известную песню с местным популярным певцом на языке оригинала. Любая вещь приобретает особый колорит за счет родного языка слушателей.

— Раз уж вы упомянули Бреговича, расскажите, как состоялось знакомство оркестра «EXILADOS» с другим известным балканцем Эмиром Кустурицей? Везде пишут, что «EXILADOS» — российская группа, выступавшая «на разогреве» у Кустурицы. Как он сам оценил ваше творчество?

— Когда ребята познакомились с Кустурицей, они снимались с ним в рекламе... футбола. А через несколько лет мы выступали на дне рождения радио «Серебряный дождь», и организаторам, видимо, показалось, что логично

будет поставить российский коллектив, исполняющий балканско-цыганскую музыку, перед выступлением ансамбля Кустурицы. А на выступлении в Сочи нас уже специально пригласили выступить перед «The No Smoking Orchestra». После этого выступления Кустурица пригласил нас на свой фестиваль в Сербию. Готовимся, репетируем.

— В прошлом году группа «EXILADOS» выступала в программе «Что? Где? Когда?», так что я наконец-то могу получить ответы на вопросы, мучившие меня с детства: где находятся артисты во время съемок до выхода на сцену? Есть ли у них возможность следить за игрой? Это правда все-все в прямом эфире, или «музыкальные паузы» снимаются отдельно?

— Ой, мне тоже всегда было так интересно, как снимается эта передача! Рассказываю. Во-первых, ротонда, где и происходит игра, о-о-очень маленькая. Она по телевизору кажется больше из-за зеркальных стен, но там реально все стоят вплотную друг к другу. Над программой работает большая команда, но в кадре никого не видно и за кадром, кстати, тоже. Как они умудряются это делать на

такой маленькой площадке — удивительно. На улице, за сценой и фонтаном, есть крошечная комнатка, где сидят артисты в ожидании своего выхода. А когда выход — никто не знает, потому что все действительно в прямом эфире, и знатоки могут взять паузу в любой момент. Поэтому готовность постоянная. Монитор есть, мы следили за игрой, плюс режиссеры давали команды.

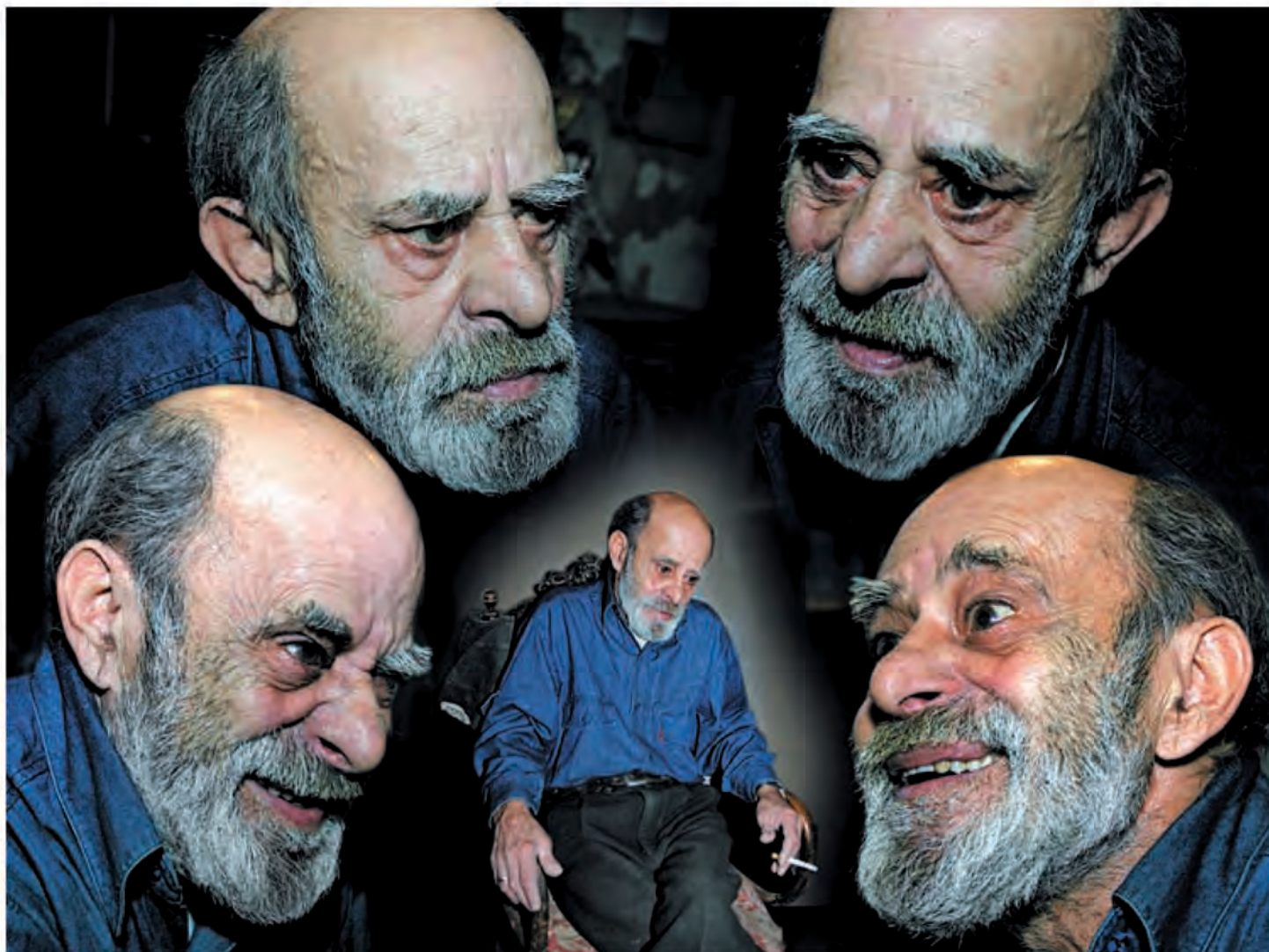
— Вы выступали на зимней игре, замерзли, наверное, пока ждали?

— Не то слово! И замерзли, и устали ждать. Нас 13 человек в коллективе — в эту комнатку все буквально набились, да ещё с инструментами! Нервничали, конечно, но в итоге все прошло хорошо.

— Махачкалинским зрителям очень бы хотелось услышать вас с «EXILADOS». Мы тоже любим балканско-цыганскую музыку! Это возможно?

— Я тоже об этом мечтаю. Но тут надо учитывать, что Дагестанская филармония самостоятельно не может пригласить такой большой коллектив: перелет, гостиница, питание, трансфер — это дорого. Тем не менее будем надеяться, что этот концерт все-таки состоится.

ЯГУДАЕВ И ОКРЕСТНОСТИ

Искать во всем скрытую символику и строить текст на ее основе по меньшей мере неоригинально, по большей – неумно. Но иногда удержаться просто немислимо. Попробуй удержись, если имя человека, о котором пишешь, начинается с первой буквы русского алфавита, фамилия – с последней, а сам он, размещившийся между А и Я, недавно разменявший восьмой десяток, Заслуженный художник России, Заслуженный деятель искусств Дагестана, лауреат премии им. Г. Цадасы скульптор Анатолий Ягудаев – живой классик. Кто-то однажды остроумно сказал о нем «мэтр с кепкой», одной фразой уцепив и небольшой рост, и любимый головной убор, и то положение, которое он занимает в дагестанском искусстве. И раз уже сама фактура имени подсказывает фактуру текста, то надо слушать и подчиняться. То есть брести вместе с Ягудаевым вдоль алфавита, нарушая все правила хроно- и топологии, пропуская все неудобные Ъ и Й, иногда возвращаясь назад и останавливаясь там, где заблагорассудится. Например, около удобной, похожей на посох, буквы «Г». Итак, Вам слово, Анатолий Михайлович.

Светлана АНОХИНА

ГОРОД

Я город свой люблю страшно. Понятно, что в мировом масштабе он особой исторической или архитектурной ценности не представляет, но у нас ведь, у города, я имею в виду, и сама история короткая! Для Махачкалы все дома, начиная с Буйнакской улицы, включая и тот дом рядом с Привокзальной площадью, на втором этаже которого я родился, – уже ценность. И когда по-варварски с моим городом обходятся – это преступление. Уже сколько потерь, вы подумайте! Петровскую крепость, что на Краснофлотской, кажется, улице, разрушили, и я до сих пор помню, как ломали церковь на площади. Долго, трудно ломали, будто она сопротивлялась. Мы с пацанами бегали там и видели – между камнями постройки свинец был залит, для крепости. На Пушкинской улице до сих пор стоит старое здание, там сейчас, кажется, банк, так вот, какая у него кладка была! Залюбуешься! Волосок не пройдет! И что же? Взяли и сверху налепили плиток каких-то! Мало из того, прежнего, времени удастся сохранить. Вот, например, у меня уникальные фотографии есть, где и тот первый памятник Сулейману Стальскому, и первомайская демонстрация на фоне неразрушенной еще церкви. А вот у меня на полке самовары стоят. Это, когда сносили Дом пионеров на углу 26-ти Бакинских комиссаров и Ленина, чтобы расчистить место для гостиницы «Ленинград»; под слом попали старые одноэтажные дома. Так я оттуда пять машин разного добра вывез! Иногда у меня создается такое впечатление, что не дома ломают, а стирают мое прошлое. Я ведь помню город другим, когда в Вейнерском саду, теперь это парк имени Ленинского комсомола, водились зайцы, по городу ездили бочки ассенизаторов и всюду была чистота.

РАБОТА

Мне не нужно, чтобы человек позировал. То есть замер в заданном положении и не шевелился. Тут главное почувствовать его личность, накопить впечатления и вложить их в образ. А для этого надо что? Правильно! Беседовать, общаться, смотреть, как реагирует, как движется. Из тех, кого я лепил, самые живые были хирург Аскерханов (огонь был, ни минуты не сидел на месте), профессор Ибрагим Шамов, хирург Зульфукар Магомедов. Да, еще композитор Мурад Кажлаев! Кстати, его портрет до сих пор стоит. Я его по заказу Минкульта лепил, лет еще 30 назад. Предполагалось отлить

в бронзе, но началась перестройка и денег на отливку не нашлось. А Кажлаеву самому понравилось, да и мне кажется, что угадал, верно ухватил характер.

Был только один случай, когда человеку не понравилось, как я его вылепил. Мурад Омаров, известный в республике гинеколог, остался очень недоволен. Я лепил нарочито грубо, чтобы передать и его личность, и мои впечатления от этого человека. Ведь в каждом удавшемся портрете всегда отражены двое – модель и художник, вернее, его мысль. А оказалось, что Омаров любит реалистические работы, чтобы все приглажено было и «похоже». Но я же не фотоаппарат! Вот он и «не узнал» себя... Мне, например, и в голову не приходило спорить с тем, как меня видят другие художники! А брались многие. Магомед Шабанов, Зулкарнай Рабаданов, Хайрулла Курбанов – бывший председатель СХ РД, Эдик Путерброт. Только это все живопись и графика, а скульптуры всего две. Одна – работы Аллы Пологовой, одной из ведущих советских

скульпторов, а вторую лепил мой друг Гимбат Гимбатов. Не похож? Слишком пузатый и в папхе? Ну, значит, он меня ТАКИМ увидел.

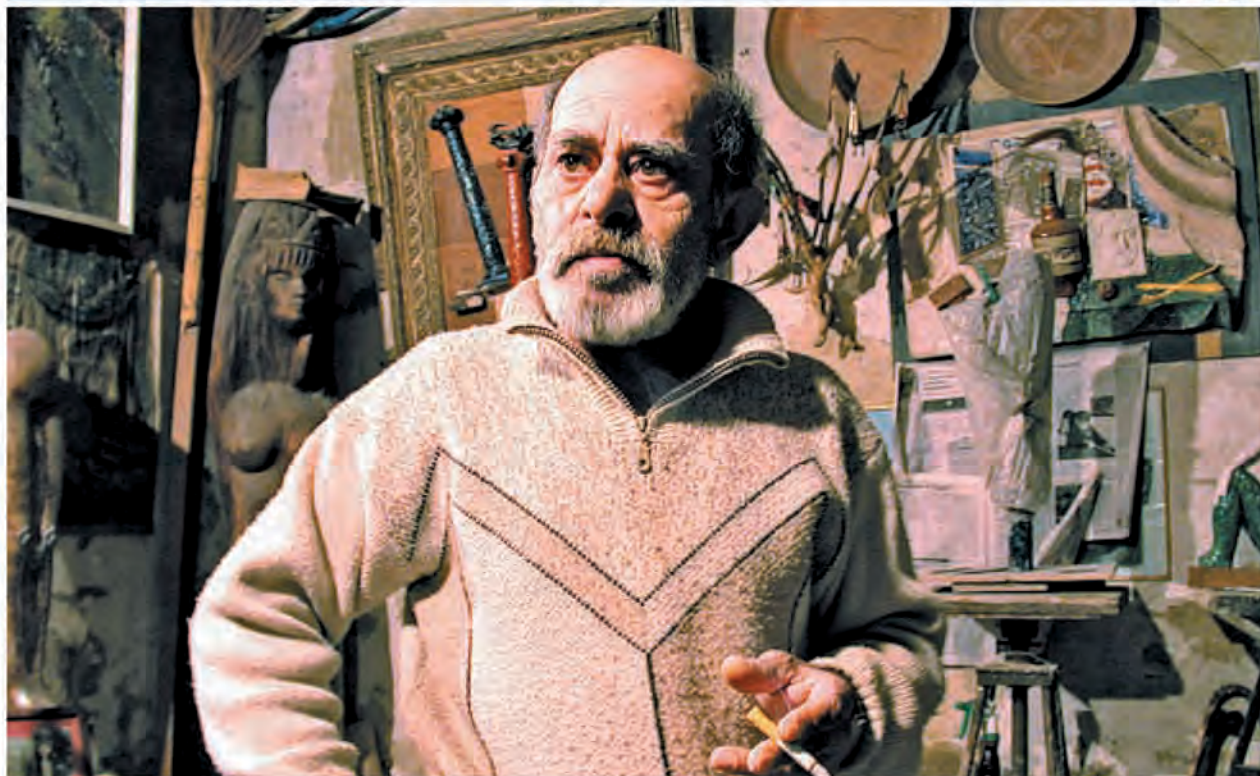
Я вот что хочу сказать: когда художники говорят о божественной природе вдохновения, мол, нахлынуло внезапно, я побежал и создал шедевр – не верьте! Это чушь, фантазии дураков, понты. Есть просто работа. Хочешь создать что-то значительное – нужно вкалывать. И я до сих пор каждый день встаю и иду на работу: как слесарь, как металлург. Прихожу в мастерскую и начинаю лепить. Вот и все.

ЛЮДИ

Я ведь в Ленинграде или, как сейчас говорят, в Петербурге учился. В безымянном училище. Да, представьте себе! Это когда я уже закончил, ему дали имя Серова, а так было училище и училище, безо всякого имени. Так вот, мне, можно сказать, повезло. Я с такими людьми был знаком! Вот с Ахматовой, например, с Анной Андреевной. Нельзя сказать, чтоб это было близкое знакомство, но... Сейчас объясню. Я договаривался с разными поэтами о выступлениях перед студентами в нашем училище. Тогда это широко практиковалось. Квартирники, например, устраивались. То есть квартирные концерты. Это, когда люди собирались на чьей-то квартире, скидывались и приглашали поэта или барда, которых иначе невозможно было услышать. На деньги от квартирников многие, между прочим, и жили, ведь это было время особого подпольного существования искусства. А у нас в училище нравы были либеральные, приглашали мы и тех, кто не был в чести у власти. Выступали Виктор Соснора (он, кстати, родом отсюда, из Махачкалы, мы с ним даже в одной школе учились), Высоцкий, тогда еще совсем молодой, это ведь конец 50-х. Кто еще... А, Вознесенский приходил! С высокой головой и вечным своим платком на шее. Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский. Вот Бродского не было, врать не стану, а что до остальных, ныне прославленных, так до сих пор храню первые издания с автографами. А за Ахматовой я лично ездил на Фонтанку, где она тогда жила. Помню, очень ей нравилось ехать на такси. Села впереди, рядом с шофером, и всю дорогу очень строго и внимательно смотрела вперед. Как великолепно она держалась! Пожилая, грузная, но какая осанка! Когда пишут, что «царственная» – не врут. Таковую бы лепить... Но она бы позировать не стала, болела уже сильно, а с фотографии я не люблю. Мне живой человек нужен, чтобы поймать движение, индивидуальность.

ШАМИЛЬ

Мой интерес к личности Шамиля... Началось все, наверно, еще в детстве. Как-то я, еще пятиклассник, сидел в отцовском сарае, мастерил кораблики и вдруг среди хлама заметил старую книгу. Вытащил, открыл и зачитался. Просто с головой ушел! Какой огромный и сложный человек был! И через много лет это детское восхищение отозвалось в работе. Да, в той самой, что уехала в Соединенные Штаты. История была любопытная с этой скульптурой. Сделал-то я ее еще при советской власти, в 1975-ом году (а советская

власть известно как относилась к истории Кавказской войны), и умные люди советовали – «Не выставляй, не ищи проблем на свою ... Или назови потактичнее, скажем, «Горец»». Только я советов не послушался и подписал работу «Шамиль». Что тут началось! Меня в обком вызывали, интересовались: «Почему именно Шамиль? Что тут за намеки? Неужели среди татов своих героев не нашел?» Я думал – все, сейчас еще и КГБ подключится, и хана мне. Но как-то обошлось. А вот, когда началась перестройка, поднялся железный занавес, ко мне обратились из горисполкома с просьбой, мол, тут делегация приехала из Спокана – американского города-побратима Махачалы, хорошо бы им для их Аллеи дружбы подарить скульптуру горянки. Я согласился, пусть приходят, говорю, выбирают. Ну и пришли они ко мне в мастерскую: переводчик и с ним человек семь американцев. И один из них, как увидел на полке этот эскиз, так сразу про всех горянок забыл. «О-о-о, Шамиль! – говорит на чистом русском языке. – Вот его выбираем!» Я оторопел! Во-первых, оттого, что американец по-русски заговорил, а во-вторых, оттого, что такая осведомленность. Потом уже оказалось, что у мужика этого украинские корни и он доктор исторических наук. Так что стоит теперь мой Шамиль в американском Спокане, но тут особенно хвастать нечем, городок-то маленький, хотя и аккуратный.

ПЯТАЯ ГРАФА

Эта проклятая «пятая графа» жизнь мне сильно осложнила. Ну, вот, например, за границу меня категорически не пускали. В Канаду, Югославию, Грецию на биеннале, где выставлялась моя скульптура малых форм – не выпустили. Только в Венгрию. Да и то попал туда только со второго раза! В первый – отка-

зали. Чего боялись? Что сбегу? Так вот сейчас все дороги открыты, все уехали, один Ягудаев остался. А те, кто уехал, дураки. Одичали там, не общаются между собой. Когда я приехал, то мои братья в первый раз за долгое время увиделись, хотя Израиль страна маленькая. Встречаются только на свадьбах и похоронах. А до художников в Израиле вообще дела никому нет. Из моих знакомых только один работает по специальности, да и то переквалифицировался: делает на заказ формы из стали. Штампует одну за одной, поставил на поток. Арабы у него эти формы скупают, делают выколотку... Не поняли? Ну, рисунок выколачивают, и получается тарелка. А остальные... Кто сторож, кто еще что-то. Одному здесь давали профессора, он уехал и теперь локти кусает. Закончил в свое время Суриковское, а там, в Израиле, пейзажи на улице продает. Нет уж! Мне и в Ленинграде после окончания училища предлагали остаться, обещали квартиру, работу, а я вернулся. Кроме Дагестана у меня нет ничего. Мои предки – из Буйнакска, дед был купцом первой гильдии, и я так сильно привязан к этой земле, что ни о каких других краях и думать не хочу. Здесь могилы моих предков, деда, прадеда. Мать, отец похоронены. И я буду здесь жить.

ВОЖДИ

Мой любимый образ – это изысканная женщина, с удлиненными руками, ногами, тонкой гибкой шеей. А вот политически ориентированные работы делать не люблю. Хотя при советской власти на том же Ленине можно было неплохо заработать, но мне что-то мешало. Наверное, слишком много разной литературы читал (Троцкого, Молотова, Горького, да не того приглаженного и к власти лояльного, который считался классиком советской литературы, а раннего, яростного и с Лениным несо-

гласного), чтобы браться за такую скульптуру. Мне над вазой, которую я сейчас делаю по заказу одного богатого человека, работать приятнее. Только раз я Ильича делал. Мраморного. Для Барнаула. Хотя нет, вру. Еще была чеканка для Мангышлака и вон на полке стоит эскиз. Заказали из селения, у нас же тогда в каждом селе, в каждом райцентре по Ленину стояло. Так вот, рассматривали эскиз в министерстве культуры, и тут заказчик шепчет с ужасом таким в голосе: «Да он же падает!». И действительно, видите, он шагает в никуда, под его левой ногой уже пустота. Наверное, тут мое подсознание сработало, мое личное отношение к вождю

мирового пролетариата. Вот забраковали моего падающего Ильича, так с тех пор он у меня и стоит. Вообще-то я работы, которые не люблю, обычно снимаю с полок, дроблю и выбрасываю, а эту храню. Другу-коммунисту предлагал, так он отказался. «Ну тебя, – говорит, – напророчил! Свалили Ленина!»

АВТОРИТЕТЫ

Вашего Шемякина, с которым все так носится, – терпеть не могу. Неинтересен он мне как художник. Сплошные длинные носы! А Петр его, пузатый и омерзительный? Церетели тоже не лучше. Ставит повсюду свои

идолов. Где-то в конце 60-х я в качестве председателя художественного совета Дагестанского Союза художников приехал с молодой женой в Грузию к тамошним коллегам. И на худсовете впервые увидел этого прощельгу. Он все больше по оформительской части тогда подвизался. А потом вылез, пробрался в Москву. Как-то в «Общей газете» интервью с ним напечатали. Журналист спрашивает о Ленинской премии, которую Церетели дали за мозаику (она, кстати, безобразно была сделана, очень скоро посыпалась, за такое не премии давать, а руки отрывать надо!), а тот отвечает: дали, мол, потому, что моя жена Косыгину понравилась! Это как же надо понимать? Ты думай, что о своей жене и о своей работе говоришь! Так что эти ваши авторитеты дутые... Хотя у меня и свои

есть. Вот Вера Мухина, которую теперь принято лягать за «Рабочего и колхозницу», для меня авторитет. Матвеев – был такой скульптор, умер в 1958-м, Аникушин, Пологова, Коненков... И еще Бурдель и Микеланджело.

СЛОВО

Заметили, полтора месяца «Новой газеты» в продаже не было? Я тут недавно иду, а киоскер знакомый из своего киоска выбежал и кричит мне «Получили! Получили!». Привычка такая у меня читать газеты, даже коммунистические в свое время читал. Но больше любил «Литературку», «Новый мир», «Знамя». Когда начали печатать Солженицына, Сахарова, я как-то даже расстроился. Совсем нет культуры языка! Вот возьмите Пастернака, Булгакова, Набокова, Бродского того же – каждое слово звучит, поет! Я могу трижды одну строчку прочесть, чтобы суть почувствовать, подобраться к ней! А все остальное – политика, пишется для достижения каких-то определенных целей. Это мне не интересно. Кто там отравил Гайдара, зачем. Жрать надо меньше, вот что я скажу! Точно так же неинтересны все эти астрологи новомодные, экстрасенсы, оккультисты. Все шарлатанство. А что до этой религиозности, которая в людях проснулась в последнее время, так я от религии далек. Это над вами подшутили, сказав, что Ягудаев соблюдает субботу. К тому же, если уж ссылаться на священные тексты, то из чего Бог сотворил человека? Из глины. Посмотрите вокруг, вот моя мастерская, вот мои работы – Мурад Кажлаев, Гамзатов, Пугачева, Путин, Мейерхольд, Путерброт, Ленин опять-таки. Я тоже леплю из глины, и я, значит, тоже Бог.

Фото Татьяны КАЛИШУК (ЮХА)

ЭТИКА ЭТНОСА

Мы продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Атмосферу, царящую на сходке, лучше всего, думается, передать словами очевидца последней трети XIX в.: «Но вот состоялся джамаат. Все члены его держали себя весьма дисциплинировано: у места молчат, у места говорят, и некоторые говорят весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают: интерес каждого - предмет сходки, совещания, и если джамаат собрался в ауле подле строений, то крыши их переполнены любопытными наблюдателями и слушателями, которым нет места в среде самого джамаата - несовершеннолетними, а иногда и женщинами. Это не стадо, это строго дисциплинированная толпа, импровизированным поведением ее на сходке может остаться доволен любой поклонник порядка».

* * *

Каждый член коллектива должен был вести себя на улице спокойно, собранно, односложно приветствуя встречных и проходящих и кратко отвечая на приветствия и добропожелания. Бездеятельный досуг в будний день вне своего дома не подвергался осуждению только в одном случае: каж-

дый вечер свободная от работы та или иная часть мужского взрослого населения собиралась на годеканах, где в неторопливых, спокойных беседах короталось время.

Здесь же, неподалеку, зачастую присутствовала молодежь, подростки и юноши. Стоя в стороне, не вмешиваясь в разговор старших, они с жадным вниманием прислушивались

к рассказам о старине, о славных деяниях и ратных подвигах своих предков, впитывали в себя мнение и оценки старших о поступках и личных качествах своих родственников и односельчан и т.д. Такие «клубы под открытым небом», своеобразные кузницы общественного мнения, давали подрастающему поколению очень многое, формировали их ценностные ориентации, прививали им одобряемые обществом моральные и этические поведенческие нормы.

* * *

Сдержанность служила одной из основных определяющих поведения людей на таких собраниях. Сдержанно пошутить, сдержанно посмеяться, не перебивать говорящего, воздерживаться от чрезмерных реплик и замечаний, в сдержанных тонах осудить человека за проступки или воздать хвалу кому-либо за проявленные достоинства — основной тон, основная атмосфера среди собравшихся на годекане. Обличения, язвительные замечания, задевающие достоинство присутствующего, категорически отвергались.

* * *

Это вовсе не исключало возможность сурового наставления старшего по отношению к младшему, младшим, сделанного в краткой, сдержанной форме. Иронические насмешки и пикировки здесь не только не запрещались, но и приветствовались, при условии, что они преследовали цель развеселить собравшихся, проявить находчивость и остроумие и не задевали сложившихся понятий о человеческом достоинстве.

* * *

Сидящий на годекане должен был обладать, кроме того, чувством меры. Стремление переключить внимание собравшихся целиком на собственную персону, не давая возможность другим высказаться, каким-то образом поделиться, считалось, как уже

выше отмечалось, дурным тоном. Не приветствовалось и поведение человека, постоянно отмалчивающегося, только слушающего и ничего не говорящего.

* * *

Для девушек и молодых женщин выход за водой в большинстве обществ Дагестана был своеобразным поводом «на людей посмотреть и себя показать». Не случайно молодые женщины и особенно девушки на выданье ходили по воду с нарядными кувшинами и в лучшей одежде из обыденного (не свадебного, праздничного) своего гардероба.

* * *

У источника, родника девушки проводили какое-то непродолжительное время, чтобы обменяться новостями, поговорить полунамеками о сердечных привязанностях друг друга и проч. Сюда же, к родникам и источникам, могли прийти и юноши, которые в шуточной, завуалированной форме выражали девушкам свои симпатии. Девушка обычно не реагировала на подобные знаки внимания, или отвечала кратко, язвительно, в нарочито-грубой форме (даже если была польщена вниманием). Молодые женщины в эти молодежные перепалки не вмешивались.

Те и другие (девушки и женщины) возвращались с полными кувшинами, шли медленно, потупя взор и не оглядываясь по сторонам.

* * *

Оказать внимание девушке юноша мог, попросив у нее напиток. Отказывать в таких случаях было не принято, юноша, стремясь продлить мимолетное свидание, пил обычно долго, маленькими глотками, с перерывами. Оба при этом молчали. Это был один из немногих, не отвергаемых обществом, знаков внимания, который юноша мог себе позволить. Однако злоупотреблений не допускалось и здесь: излишне частое «утоление жажды» водой из кувшина одной и той же девушки могло вызвать неодобрение ее родителей и родственников.

* * *

Местом, где небольшая группа женщин и девушек могли пообщаться, были и общественные печи для выпечки хлеба. В ожидании своей очереди собравшиеся шутили, судачили, обсуждали те или иные происшествия в селении и др.

* * *

Подобным же местом встреч и общения для женщин и девушек иногда служил пологий берег реки, куда выносились для стирки или ополаскивания предметы одежды, ковры, дорожки и проч. Посещение юношами и мужчинами подобных мест не практиковалось. Более того, они старались обходить эти места стороной, чтобы не подвергаться граду насмешек, язвительных замечаний, откровенного поддразнивания в свой адрес.

* * *

В целом юноша и девушка, мужчина и женщина, не состоящие в близких родственных отношениях, за пределами селения в поле, на лугу, в лесу и т. д. не должны были встречаться. Если встреча ненароком все же происходила, та и другая сторона обменивалась односложными приветствиями и дальше каждый проходил молча. Так же вели себя двое и более мужчин, юношей при встрече с одинокой женщиной или девушкой. В обратной ситуации девушки или женщины могли как-то задеть мужчину, парня, сделать какое-то шутливое замечание в его адрес, насмешливо отозваться о тех или иных анатомических особенностях встречного и проч. В ответ они могли услышать только беззлобные отшучивания и не более: отвечать женщинам в том же тоне юноше, мужчине считалось непристойным.

* * *

Поведение каждой из сторон несколько менялось в ситуации встречи группы мужчин, юношей с группой женщин, девушек. Тут обмен приветствиями мог сопровождаться шутками и колкостями с обеих

сторон, при этом первые их них проявляли большую сдержанность по сравнению со вторыми.

* * *

Традиционные нормы морали запрещали члену общества пройти через чужую пашню, сенокосный участок, сад, заходить в чужой загон для скота и др. При этом в расчет не принималось, что урожай зерновых или фруктов давно собран, сено скошено, загон пустой. Если возникала необходимость, хозяина заранее об этом ставили в известность или сообщали об уже имевшем факте с необходимыми при этом объяснениями.

* * *

Таким образом, регламентировались нормы поведения человека, оказавшегося по той или иной причине вне пределов селения, в джамаатской округе. Разумеется, что еще строже соблюдались подобные нормы, когда речь шла о собственности членов соседних и других джамаатов. Понятно, что все сказанное относилось и к вакуфной собственности.

* * *

Особые этические нормы соблюдались при прохождении через мост. Проходящие обычно держались левой стороны. Возможно, что одна из причин такой нормы объясняется необходимостью наибольшего простора для правой руки (для применения по необходимости оружия, для обмена рукопожатиями). Всадники тоже держались левой стороны моста, но коней

с тюками груза или груженных ослов проводили по правой стороне.

* * *

Стоя на мосту вести переговоры со встречными или с попутчиками было не принято.

* * *

При встрече у моста двух отар или стад крупного рогатого скота преимущественное право получал тот из хозяев, пастухов, чабанов, кто шел на подъем, а на плоских участках округи тот, у которого направление течения реки проходило по правую руку. Рациональная подоплека подобных норм не всегда поддается объяснению, в народе принято было руководствоваться ими как «кодексом предков».

* * *

Повсеместно существовал запрет на бесцельное пребывание прохожего на мосту, подолгу смотрящего вниз, на воду.

Редакция благодарит Зарему Дадаеву за представленные в материале редкие фотографии из собрания Музея истории города Махачкалы

Магомед Бисавалиев

Мир джиннов и шайтанов древнего Джурмута

— У них ведь жизнь на 40 дней раньше нашей заканчивается. Шайтаны, наши двойники, рождаются на 40 дней раньше, и умирают на 40 дней раньше, — говорит тетя без тени сомнения, как о вполне реальных людях этого мира.

— А кто их видел? У нас в ауле все, что ни случается вокруг, всегда с шайтанами связывают. Слышал я много этих сказок, придумали всякие небылицы и обманывают себя, — говорю я, с любопытством глядя на собеседницу, в надежде, что прозвучат из ее уст эти странные стихи шайтанов, которые я многократно слышал в детстве в горах.

— О шайтанах и джиннах и в Коране есть, ты глупые вещи не говори, грех будет!

— Знаю, что в Коране есть, но почему-то во всем остальном мире не водится столько шайтанов и не случается столько приключений, связанных с ними, как в нашем Джурмуте. Такое ощущение, что столица Шайтанистана там! — говорю я.

— Не знаю, как в других местах, но у нас они всегда были, и сейчас есть. И этому есть много доказательств, — не сдается тетя.

Тут я вспоминаю одну историю о шайтанах, известную мне с детства.

— Ну да, слышал и я, как некий салтинец под лунным светом пахал землю черным и белым быками, — рассказываю я тете. Она внимательно меня слушает и неточности поправляет. — Кто-то из лесу крикнул: «Эй, хозяин белого и черного быков!!! Эчлечил Мечлеч умерла, передайте Меслес, чтобы пришла ее хоронить». Испугался бедный крестьянин, бросил быков, побежал домой и рассказал жене слово в слово о том, что услышал там, где землю пахал. Шайтан был очень коварен и хитер, знал, что салтинец расскажет о случившемся дома, и специально крикнул эти слова, чтобы тот передал их дальше. Меслес, женщина шайтанов, которая должна была это услышать, находилась в доме, где жил крестьянин. Когда муж произнес услышанные слова, жена его страшно испугалась;

одни только имена — Эчлеч, Мечлеч, Меслес — какие-то непонятные шайтанские, наводили ужас. Мужчина дрожал от озноба, на лбу его выступили капельки пота, костер в очаге освещал его бледное лицо, в глазах был страх перед чем-то неведомым и непонятным. Он то горел как в огне, то дрожал от холода. После того, как он рассказал об этом странном случае, заскрипело бревно, которое держало крышу дома. Муж дрогнул в страхе и повернулся в дальний темный угол их убогой сакли. «Ты слышишь плач?» — спросил он и прижал к себе жену. Жена тоже дрожала от страха. Шум, вздохи и плач усилились из дальнего угла. Вдруг раздался душераздирающий плач женщины — плакальщицы по умершей Эчлечил Мечлеч, женщине шайтанов, о которой только что рассказал муж. Она причитала на джурмутском диалекте:

*Хиваразулги чИаргИин ва, чИагуяй дун,
ЧИагуязул ургьил ва, пашманай дун...*

Плакальщица оплакивала себя, на долю которой пало такое громадное горе, как смерть некоей Мечлеч. Дословно это звучит так:

**О, как я несчастна, будучи живой,
от смертей близких,
Не меньше переживаний и горя
от проблем и забот живых.**

Одним словом, уход из жизни одних и проблемы других живых — и то и другое меня терзает в этой несчастной жизни, говорила в своем плаче несчастная женщина шайтанов.

Эту странную историю про шайтанов рассказывали мне в одну из зимних ночей в ауле. Трудные для восприятия и не очень благозвучные имена шайтанов пугали, когда я выходил ночью на улицу. За каждым поворотом и серпантином старого аула, в развалинах, возле кладбищ и затаенных местах мы, дети, видели Эчлечов и Мечлечов. Порой от страха слышали странные звуки отовсюду. Кругом царил какой-то

ореол таинственности и волшебства. Вышеприведенный стих женщины на диалекте звучит вполне поэтически, красивым слогом, с аллитерацией, в переводе же получается коряво и неблагозвучно.

С тетей у меня получилась занимательная и долгая беседа. Она очень остроумный и тонкий рассказчик, умеет передать все краски, чувства и переживания тех, о ком рассказывает. У нас особое место занимают истории потустороннего мира: истории шайтанов и джиннов, кажей и кавтаров (домовых и снежных людей), будалаов и матерей болезни.

Я слушал уже в который раз эти истории, и каждый раз меня терзали вопросы. Как рождались эти волшебные истории, кто придумывал стихи и плачи за шайтанов и джиннов? Если — джинны, то как мы должны представлять себе это? Если — люди, то зачем и для чего сочиняли? Если не люди — тогда кто? Вопросы, вопросы...

Тетя не давала ответы на мои вопросы, она поведала еще больше историй, как о свершившихся в жизни древнего Джурмута фактах. Их много, и нет никакого объяснения этим явлениям, сохранившимся в виде преданий, рассказов, стихов и плачей, сочиненных то ли людьми, то ли шайтанами. Порой они оба выступают в одном лице, и не поймешь, от кого что исходит.

Плач джиннов и смерть Мусса Али в Цоре

Тетя вдохновилась моим повествованием о детских воспоминаниях и мире шайтанов.

— Говорю же тебе, на пустом месте люди не придумают это все. Они ведь были чистые и набожные люди, знали, что такое «халал» и «харам». Ели только то, что выращивали собственными руками. Побоятся они Аллаха придумать это все. Я же еще в моем детстве много случаев видела, когда люди, охваченные джиннами, болели. Жарях (исламский лекарь, знахарь) читал Коран, и больному помогало. Джинны и шайтаны убегают от Корана. Это самое ненавистное для них. И женщины, общающиеся с джиннами, знали причину недуга человека: джинны ли ему вредят, или он просто физически болен.

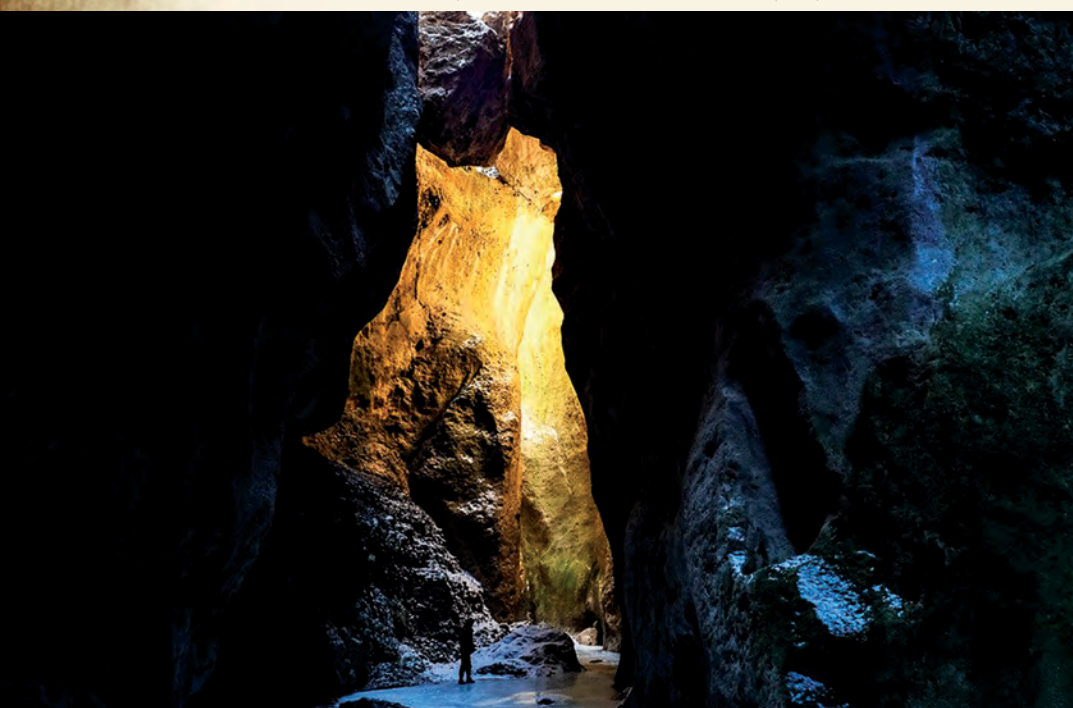
— Каким образом они могли знать?

— Они уходили к ним. Встает женщина ночью и уходит из дома в темноту, туда, где

скалы и пропасти. Шайтаны забирают ее. Женщины мне не раз рассказывали, как они уходят. Рассказывали, что их, словно лист дерева, подхватывает ветер и уносит далеко через горы, реки и ущелья. И они оказываются в другом мире. Там встречаются знакомых и незнакомых людей, общаются с ними. На вопрос, почему болеет такой-то человек, шайтаны рассказывают, как тот или иной больной наказан. А если человек болеет не по их вине, то просто не отвечают. Тогда женщины возвращались к родственникам больных и говорили: «Это не джиннов дело, идите к докторам». Тому много доказательств, — говорит тетя в полной уверенности.

— Ты мне пыталась доказать, что джинн или шайтан-двойник умирает на 40 дней раньше. Есть доказательство хоть одно?

— Моя бабушка рассказывала одну историю про это. Было предвечернее время ранней весны. Одна молодая девушка возвращалась домой с фермы, что недалеко от аула. Когда она вышла, ей казалось, что село совсем близко и до наступления сумерек она будет дома. А село оказалось не так уж и близко — хоть и шла она ускоренным шагом, но быстро стемнело. От страха сердце ее билось все сильнее и сильнее. Наконец показалось село, забрезжили слабые огоньки убогих саклей аула. Электрического света тогда в селе еще не было. Приблизилась девушка к селу, страх полностью прошел. Она переходила речку. — Тетя

прервала рассказ, обращаясь ко мне: — Ты помнишь небольшой водопад и теснину, которая видна из окна дома нашего дедушки.

— Помню...

— Это очень опасное место. Если кто-нибудь пойдет туда после сумерек, обязательно заболит. Люди старались обходить такие места. Говорят, что там большой город шайтанов. Дошла девушка до этой узкой тропинки над водопадом и вдруг слышит песню из теснины, где протекает речка. Там темнота и, когда заглядываешь вниз, оттуда веет холодом. Каким образом человек нашего мира мог петь внизу в ущелье?

— И что это за песня? Может, спустился кто по веревке туда, и пел? — говорю я.

— Нет, то была не песня, это был плач женщины. Умер кто-то, и плакальщица поет, и хором женщины плачут из-под водопада. Девушка страшно перепугалась и со всей силы побежала домой. Когда она вбежала в дом, лица на ней не было. Бледна как полотно, и дрожала вся. Ясно было, что она прошла через территорию шайтанов. Тут же позвали жаряха, он сжег синюю материю, андуз (корень какого-то растения), окуривая ее этим дымом, чтобы шайтаны отстали, прочитал дуа и ушел.

Далее тетя выдает малоинтересные подробности. Я слушаю и не перебиваю ее. А меня все больше и больше интересует песня-плач, которую девушка услышала ночью.

— А песню эту не помнишь, тетя? — возвращаю я ее к рассказу.

— Плач женщины-шайтана — не песня! — поправляет она меня. — Звучало это так на джурмутском диалекте:

*Агъав Мусал Памил вас вугу чамав?
Агъав Мусал Памил яс югу чамай?
Песенал чИарайги, чИахъенхъунала,
ЧахIаял эхдейги кьибил хъунала.*

Я с большим трудом, после толкования и пояснения тети, понял смысл этого древ-

него джурмутского говора. А стих по звучанию, по чувствам уникален и звучит очень красиво, в буквальном смысле душу выворачивает, когда представляешь картину и плакальщицу. Звучит в подстрочном переводе примерно так:

**У этого Мусал Али сколько сыновей?
У этого Мусал Али сколько дочерей?
Маленькие пусть умрут,
чтобы большим выжить,
Большие пусть живут,
чтобы род продолжить.**

— Судя по смыслу слов, время было очень голодное? — спрашиваю.

— Именно так, иначе зачем умирать младшим, чтобы спасти старших? Но это еще не все — дальше поймешь ты смысл слов плача. Время было бедное и голодное, своих быков для вспашки земли у сельчан не было — брали в долг. Только у одного богатого человека в селе были быки. И знаешь, как этого человека звали? Его звали Мусал Али! — Тетя выжидающе смотрит на меня, пытаюсь угадать, понимаю ли я смысл рассказа.

По кускам я собирал картину рассказанного и разгадывал глубокий смысл этого плача-четверостишия.

Девушка, услышавшая плач, заболела. А богатый Мусал Али был в это время в Цоре

со своими отарами. Пока перевал не откроют, он не вернется в село. На перевале были большие снега, и дорога из Цора открывалась только в середине мая. Если шайтаны плачут по кончине Мусал Али, то он непременно должен умереть. Если он умрет, сын его обязательно зарежет обоих быков, которые пахали землю для села. В предстоящей смерти Мусал Али не сомневался никто из людей, которым пересказала плач больная девушка. И все побежали просить быков и быстрее сеять ячмень — пока не пришла весть о кончине Мусал Али из Цора. Его сын никак не мог понять такую активность сельчан: почему они спорили, обещая за быков больше урожая за пахоту, чем в предыдущие годы.

— Спустя сорок с небольшим дней один кунак из Тянада привязал лошадь во дворе Мусал Али, зашел в дом, прочитал дуа и рассказал сыну, что его отец умер в Цоре два дня назад. Мусал Али был известный и знатный человек в Джурмуте, и не только там, и на соболезнование должно было прийти много народу. Весна, люди с прошлого лета не ели мяса, поэтому туда, где раздают садака, шли даже те, кто лично не знал умершего. Мужчины сидели во дворе большого дома, читая с каждым вновь прибывшим дуа и принимая его соболезнования. Вот во двор вошла хромая женщина из Генеколоба, она нап्रा-

вилась в дом, где сидели женщины. У порога дома хромая душераздирающим голосом начала плач-притичание. Женщины, которые хором плакали, на мгновение замерли от неожиданности. Наступила гробовая тишина. А хромая все пела и пела. А ты знаешь, о чем она пела? — спрашивает тетя.

— Как я могу знать?

— Она пела:

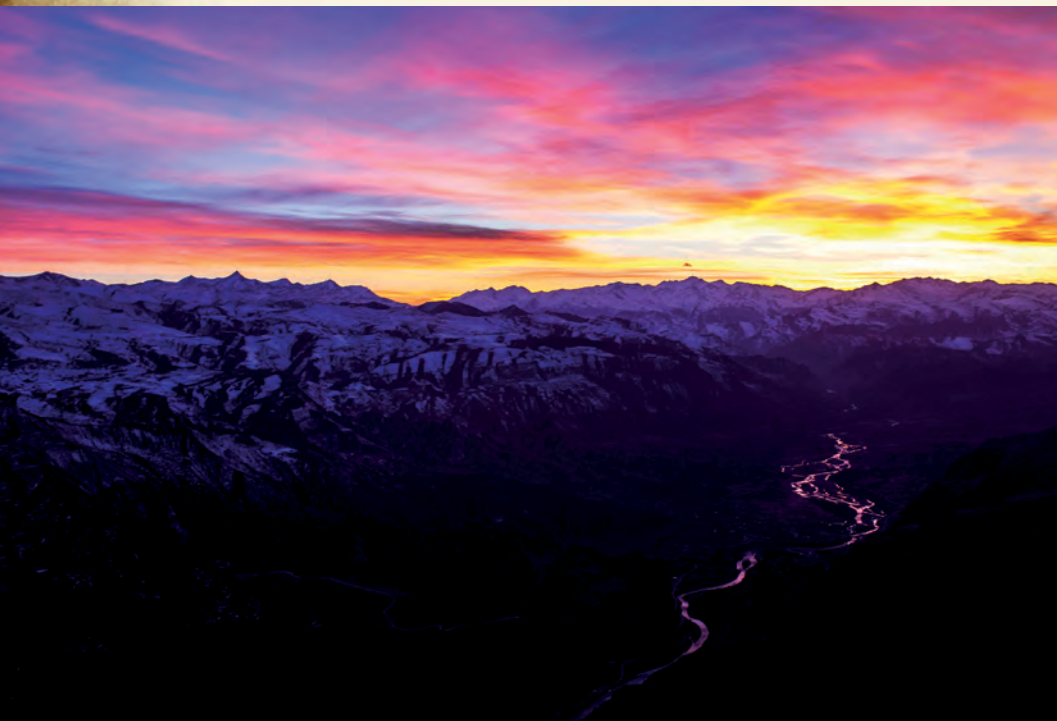
Агъав Мусал Гаалил вас вугу чамав?

Агъав Мусал Гаалил яс югу чамай?.. —

именно те притичания, которые слышала больная девушка из теснины, где водопад, — за сорок дней до смерти Мусал Али. Сельчане знали эти слова. Вот почему женщины замерли, а мужчины во дворе в недоумении смотрели друг на друга. Значит, двойник Мусал Али умер на сорок дней раньше, и именно по двойнику плакали в том водопаде, а наш Мусал Али в это время был в добром здравии в Белоканах и не подозревал о приближающейся своей кончине. Через сорок дней он умер в Цоре. И ты говоришь еще после этого «что-то придумали»! — бросила тетя и забила последний гвоздь в крышку гроба моих сомнений о джиннах-шайтанах двойниках (я, кстати, до сих пор не понимаю, чем они различаются) и об их уходе на 40 дней раньше.

Если во всех остальных случаях я находил какие-то лазейки для толкований легенд и собственных фантазий, тут пришлось сдаться. Разве что продолжать тупо отрицать и говорить, что и это придумано кем-то. Опять-таки возникает тот же вопрос — зачем? С какой целью и кто сочиняет стихи за шайтанов? Почему там очень мало обычных людских стихов, а стихов, приписываемых шайтанам, медведям, будалаовам, много? Их звучание, ритм и сам стиль какой-то завораживающий, иной, непохожий на обычный человеческий язык. Вопросы... вопросы...

Не менее интересны приключения кавтаров, кажей, матери болезни. Но об этом в другой раз.

1.

И пошел снег...
И пошел снег поздней ночью; крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья.

И родился у царя сын. И заплакал он. Обрадовалась мать - на душе стало теплее. Аллах подарил матери сына, счастье и будущее даровал Аллах матери. О, Аллах!.. А ребенок заплакал. Ребенок не знал, что сегодня ночью он пришел в мир, но, почувствовав, что пришел, ребенок заплакал. И услышала мать голос его, улыбнулась мать, открыла измученные глаза и спросила:

- Сын?

И никто не ответил матери. Испугалась мать. Потеряла покой и попросила:

- Покажите мне ребенка.

И показали матери ребенка. О, Аллах! Ребенок родился безглазым... нет глаз у ребенка, нет глаз. Замолкла мать, лишилась она чувств. А ребенок все плакал и плакал.

И пошел снег...

И пошел снег этой ночью; крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья... И шел снег не переставая, три дня и три ночи.

И испугался царь своего безглазого сына. И понял царь, что быть большой беде. И очень испугался царь. И приказал скрыть от всех существующие безглазого сына, а если кто выдаст тайну, то отрубят тому голову. И спрятал царь сына подальше от людских глаз. Повелел не пускать к нему никого, кроме матери. И плакала мать каждую ночь, склонившись над ребенком.

И дали ребенку имя Хикмат.

И была у царя молодая дочь. И звали ее Меседу. Очень хотела Меседу увидеть брата. И сказала она отцу такие слова:

- Отец, да продлит Аллах твою жизнь, дай мне хоть один раз посмотреть на своего брата. Боюсь я, сама не знаю, чего... Постоянно преследует меня некий страшный голос. Этот голос гонится за мной, оглядываюсь, - не вижу никого... Отец, разреши посмотреть на брата. Боюсь я очень. День ото дня голос становится сильнее. Дай мне повидаться с братом...

И разрешил царь дочери посмотреть на своего брата. И посмотрела Меседу на брата, и закричала Меседу страшным голосом. Испугалась Меседу и сказала матери такие слова:

- Мама, чувствую я, что в дом к нам пришла большая беда. Скоро я вынуждена буду навсегда расстаться с вами...

- Замолчи, доченька, замолчи! Не говори так! Какая беда? Разве может Хикмат наслать на нас беду? Если услышит об этом муж, не оставит меня в живых. Больше не говори так!

- Мама, иди к прорицателю, иди к шейху. Тайно иди, мама, пусть отец не знает. И спроси, что это? Боюсь я очень...

И в очень темную ночь пошла мать к шейху, пошла тайно, не сказав никому ни слова. И Меседу никому не ска-

Газимагомед ГАЛБАЦОВ

И ПОШЕЛ СНЕГ...

(Притча)

зала об этом, боялась очень Меседу. Пришла в их дом беда, и чувствовала ее Меседу. Болело ее сердце, не просыхали глаза...

Посмотрел шейх на ребенка, вздрогнул и отвернулся, увидев его уродство. Еще раз взглянул шейх на ребенка и сказал он матери такие слова:

- Мухлисат, раба Божья, единоверная сестра моя! Аллах заприметил тебя и через твою утробу, через этого ребенка наслал на людей большую беду... Беда подходит, единоверная сестра моя...

- Что за беда?! Скажи! Скажи скорее, я вся горю!..

- Боюсь я царя, единоверная сестра моя, боюсь я, Мухлисат...

- Все останется между нами, скажи же, не своди меня с ума!

И сказал шейх:

- Мухлисат, сестра моя, сын твой никогда не научится говорить, но он знает имена всех людей. И если Хикмат произнесет чье-либо имя, тот человек умрет. Он и сейчас может назвать по имени тебя или меня... Но если человек, чье имя произнес Хикмат, сумеет убить его, то он останется жив...

И отвернулся шейх от Мухлисат, и подошел к окну. За окном стояла ясная морозная ночь. Везде лежал снег, выпавший в ту ночь, когда родился Хикмат. И снова приблизился шейх к оцепеневшей от ужаса матери, и сказал ей шейх:

- Он начнет произносить имена, начиная от членов вашей семьи... Прости меня, сестра моя...

И опустил шейх голову...

И возвращалась мать поздней ночью домой, прижимая к груди безглазого ребенка, и не чувствовала она тепла от ребенка. Сильнее прижала она ребенка к груди... Нет, не почувствовала она тепла. Везде лежал снег. Холодная была ночь, и в небе мерцали холодные звезды. Холодными были камни, вставленные в стену. Посмотрела мать направо, посмотрела налево, и бросила мать своего ребенка на холодные камни под стеной. И убежала мать, скрылась во тьме. И не видел ее никто кроме Аллаха.

И пришла Мухлисат домой, и заплакала. Никому ни слова не сказала мать. Дома все спали. Закрыла мать наглухо двери и закрыла наглухо окна.

И стояла в доме тишина. Но не было матери покоя. Не могла она ни сидеть, ни стоять. Открыла мать сначала окно, открыла затем дверь. И ворвалась в окно ночь, и проник в комнату холод, и вечер наполнил ее. В ярости ветер рвал занавеску на окне и с силой захлопнул дверь. И перестал ветер. Стало тихо в комнате. И заплакала Мухлисат снова. И не было ей покоя. Не могла мать ни сидеть, ни стоять. Закрыла Мухлисат окно. Но заскрипела дверь и открылась настужь. И испугалась Мухлисат, подбежала к двери и закрыла ее. Но заскрипело окно и открылось настужь. И испугалась Мухлисат.

И выбежала мать на улицу, и замерзли слезы на ее щеках. Упал платок с ее головы, и рассыпались волосы. И мороз начал щипать ее тело. Побежала мать туда, где бросила сына. И нашла она Хикмата на том же самом месте, и не плакал Хикмат. И увидела мать, что снег под Хикматом растаял, и увидела, что одеяло его мокро. И поняла мать, что ее ребенок тоже теплый. И прижала Мухлисат ребенка к груди, и заплакала, и упали на безглазое лицо Хикмата материнские волосы...

Положила мать дома ребенка в колыбель и качала его. И начало рассветать, высохли слезы на глазах матери. Хикмат засыпал в люльке, и наступал в этот мир новый день. И скрипнула дверь, и открылась настужь. И испугалась Мухлисат, посмотрела на дверь, и никого там не увидела.

Вдруг Хикмат разорвал обвязки, которыми был привязан к колыбели, приподнялся ребенок, опустился на пол и стал перед матерью на колени. Поблуднела мать, задрожала, не могла произнести ни слова; ни закричать, ни убежать. И заскрипело окно, открываясь настужь, и заколыхались занавески. И положил Хикмат на колено матери свою удивительно тяжелую маленькую руку. Заговорил Хикмат, и произнес он:

- Меседу.

И пошел снег...

И пошел снег на рассвете крупно,

спеша и борясь с утренним ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья. Снег пошел сразу после того, как Хикмат произнес имя Меседу. Назвав имя сестры, Хикмат повернулся, поискал руками колыбель, забрался в нее и улегся в ней спокойно, как будто в мире и не шел снег.

И начала мать кусать свои руки, и закрыл ветер скрипнувшую дверь. Не шевельнулся ребенок в колыбели, и, не дыша, склонилась мать над ним. И закрыл ветер скрипнувшее окно. Посмотрела мать в окно и увидела, что снег идет. Посмотрела мать в дверь и увидела, что Меседу идет. Поблудила Меседу, тяжело дышит, кончается жизнь Меседу. Чем ближе подходит к Меседу мать, тем сильнее текут слезы из глаз матери. И говорит мать Меседу:

- Что с тобой, дочка? Скажи что-нибудь, Меседу!

И заговорила Меседу:

- Мама, почему вдруг снег пошел? Почему снег пошел, мама?

Не ответила мать дочери и заплакала. Горько и больно отозвались в сердце матери ее слова.

И вновь заговорила Меседу:

- Мама, знаешь, мы с тобой должны убить Хикмата, иначе он убьет всех нас, мне это подсказывает сердце, мама...

- Ты с ума сошла, Меседу! Как Хикмат может убивать людей? Как грудной ребенок может убивать? Замолчи несчастная!

- Мама, я видела во сне! Он был широкоплечий, очень высокий. Его не брала пуля, и кинжал его не брал. Почему-то я шла за ним, и не видела ничего, кроме потной его спины. Тело его было голое. Он бил каждого встречного. Рукой срывал головы легче, чем яблоки с дерева. На его голое тело падали капли крови... Вдруг он остановился, прислушался, пропустил, не трогая, людей и повернулся в мою сторону. Мама! Его грудь, руки, ноги покрывали густые волосы. Я посмотрела ему в лицо... Мама, мама! У этого человека не было глаз. Ты понимаешь, мама, у него не было глаз! О, Всевышний! А когда я проснулась, шел снег. Мама...

И замолчала Меседу, высказав все это, увидела, что у матери глаза мокры от слез, и удивилась очень Меседу:

- Что случилось, мама, что с тобой?

И вымолвила мать:

- Подойди сюда, подойди поближе к колыбели...

И подошла Меседу к колыбели, и удивилась еще больше, увидев с разорванными обвязками от колыбели лежащего Хикмата. Прислушалась Меседу к чему-то.

И сказала мать:

- Меседу, задуши Хикмата... Сожми правой рукой ему горло, задави его со всей тяжестью... Задуши его, пока я совершу утренний намаз...

Отскочила Меседу в сторону, и очень испугалась слов матери. Хотелось ей убежать отсюда, но не смогла.

И повторила мать:

- Меседу, делай что я тебе говорю!
- Мама, ты с ума сошла! Или я еще во сне?

- И я с ума не сошла, и ты не во сне. Послушайся меня, если тебе жизнь дорога.

И заметался снег за окном, и все холодней и темней становилось в комнате. И не было свидетелей тому, как сливалось дыхание матери и дочери, кроме Аллаха, и не ведал никто, кроме Аллаха, что было на сердце у Мухлисат...

И сказала мать:

- Меседу, доченька родная, если ты не можешь выполнить просьбу матери, то хоть моли Аллаха, чтобы снег не переставал.

- Почему, мама?

- Меседу, ты будешь жить до тех пор, пока идет снег...

- А если я задушу Хикмата?

- Тогда тебе не надо будет просить Аллаха, чтобы снег не переставал идти...

И призадумалась Меседу, и склонилась над ребенком, и протянула она руки, чтобы задушить Хикмата... Но оттолкнула мать свою дочь, оттолкнула прочь в ярости, задыхаясь, как назло падающему снегу. Не смогла мать допустить, чтоб убили ее сына. Ни у кого на свете не было такого ребенка, ни у кого не было. И упала Меседу на пол и осталась лежать. И было очень холодно в комнате.

- Мама, почему ты меня оттолкнула, почему оттолкнула, мама?

Не могла мать купить жизнь одного ребенка ценою другой жизни. И сказала мать:

- Прости, Меседу...

- Ты же сама просила задушить его, мама!..

- Задуши, задуши!.. Если ты не задушишь Хикмата, то не жить тебе...

И встала Меседу, и подошла к колыбели. И протянула она руки, чтобы задушить Хикмата... Но опять оттолкнула мать свою дочь, оттолкнула в ярости, назло идущему снегу. И упала Меседу на холодный пол... И молчали обе, и смотрели в окно...

И перестал снег идти.

И перестал снег, как бы назло матери, именно сейчас, как будто не мог перестать в другое время. И перестал снег также неожиданно, как и начал идти.

Застонала вдруг Меседу на полу, в ответ застонала склонившаяся над нею мать. Мир наполнился голосом муэдзина, призывающего к утреннему намазу, комнату заполняли стоны Меседу. И билось в судорогах тело Меседу, и, зачочнев, остыли все части тела. И лежала Меседу на полу, и распростерлась на ней Мухлисат.

И не встала больше Меседу, и, не унимаясь, плакала мать... И не видел ничего этого Хикмат...

2.

И узнал шейх, что скончалась Меседу, и очень сожалел, что первым предупредил о беде. Испугался шейх царя. Сердце шейха стесняла грудь, и потерял он покой. "Хотя и обещала Мухлисат не говорить никому, может быть, расскажет она царю, что я первым пре-

дупреждал о грядущей беде. Хикмат может произнести и имя царя, это тоже я предскажешь Мухлисат, опасаясь, что сын произнесет имя мужа, откроет ему все, в этом нет сомнений. Я должен опередить ее, и сам все передать царю. Если я успею, может гнев царский минует меня. И как это я оплошал! Ведь написано в книгах, что человек, ищущий правду и справедливость, - самый несчастный из живущих. Ведь знал же я, что правду никто не любит. Есть сила и ей надо подчиниться..."

И залетела в комнату шейха муха, закружилась у окна. Удивился шейх, откуда взялась муха среди зимы. Покружилась муха у окна, покружилась в комнате, пока не угодила в паутину. Вырывалась муха из сетей, и не хотела умирать, но прибежал паук и убил ее. И высосал он всю муху, высохла она. Улыбнулся шейх, увидев все это.

И подумал шейх: "Вот так поступит царь со мной. Не виновата муха, что угодила в паутину, не виноват и я, что Мухлисат пришла ко мне. Шейхов много, но только моей голове угрожает кинжал. Сила не любит слушать не угодное ей дело. Сила может впасть в ярость от плохой вести..."

И подошел шейх к мухе, высосанной пауком, и разорвал паутину. И произнес шейх шепотом:

- Прости меня паук, прости, божья тварь...

И подумал шейх: "Есть сила, побеждающая другую силу. Против яда всегда найдется противоядие. Умная голова и хитрость победят силу. Голову может сберечь только голова. Пойду я к царю, расскажу ему про Хикмата. Я должен опередить Мухлисат. Есть кое-что сильнее и паука - хитрость и человеческая мысль, и, кажется нет, ничего слабее высосанной мухи, но есть сила без головы..."

Перебежала кошка дорогу шейху, толкнула она лапкой дверь, и открылась она. И улыбнулся шейх:

- Спасибо. Вот сейчас догоню... Вот уже выхожу...

И вышел шейх из дома, и пришел он к царю.

- Ассалам-алейкум! Да продлится ваша жизнь, и дай Аллах вам, роду вашему и вашему близким, кроме Хикмата, долгую жизнь...

Посмотрел царь на шейха и сказал ему:

- Вааллейкуму ассалам, если Аллах тебя привел, единоверный брат мой. Если пришел ты выразить соболезнование, то что за недостойные речи слышу я из уст твоих?

- Если моему господину не понравились мои слова, то склоняю голову к вашим ногам и прошу прощения. Если господин мой не понял значения моих слов, то со склоненной головой прошу разрешения объяснить все.

- Мне, от горя высохшему...

- Господин мой, эту беду навлек на вас Хикмат...

- Раб Божий, я не понимаю тебя...

- Хотя вы и прячете от всех своего сына по имени Хикмат, я знаю о нем. Аллах все видит... И я сегодня здесь,

чтобы рассказать вам, что Хикмат принес с собой беду вашему роду, и роду человеческого. Один раз горе уже посетило вас. Лишь Аллах знает, кого Хикмат выберет своей следующей жертвой. Вас? Мухлилат? Каждый, чье имя он произнесет, умрет...

И рассказал шейх ему все, и слушал его царь внимательно. И спросил он шейха:

- Ты рассказал обо всем Мухлилат?

И вдруг солнечный луч упал на середину комнаты и рассыпался.

- Да, мой господин, если провинился, простице...

И не ответил царь. К солнечному лучу подбежала кошка и начала обнюхивать его. Затем подбежала к двери, толкнула лапкой, и открылась дверь.

И произнес шейх шепотом:

- Спасибо, сейчас выйду...

И произнес шейх громко:

- Если позволите, мой господин, я пойду исполнить службу Аллаху и вам. И вышел шейх от царя.

И вышла Мухлилат к царю. Исчез солнечный луч за окном, густой туман окутал землю, и потемнело кругом.

- Мой господин, беда... - начала Мухлилат, но царь поднял руку и остановил ее.

И спросил разгневанный царь:

- По какой причине Аллах забрал нашу дочь?

- Если сочтены дни человека, Аллаху причина не нужна...

Царь молчал. И стало еще темнее кругом.

- Скажи, Мухлилат, какое слово произнес Хикмат перед смертью Меседу?

- Грудной ребенок не умеет говорить...

- Скажи правду, не гневи Аллаха!

- Твоя могила - тебе, моя могила - мне...

- Мухлилат, что с тобой? Или по мечу плачет твоя голова?

И прибежала кошка, закружилась на том месте, куда падал солнечный свет. И побежала она к двери, толкнула ее лапкой, и открылась дверь. Но не видела всего этого Мухлилат.

- Никто не знает, что ожидает нас завтра... Меседу... да простит Аллах ее грехи, ушла от нас. А другой наш ребенок больной... Я хочу, чтобы ты написал завещание...

И разгневался сильно царь, побелел он от ярости и вскочил.

- Мало того, что стоишь передо мной и говоришь неправду... - но задохнулся царь от ярости и не мог продолжить.

- Если ты хочешь услышать правду, то я скажу ее тебе, - ровным и спокойным голосом произнесла Мухлилат: - Человеку, ищущему правду, говорю...

Но закричал царь:

- Говори!!!

- Хикмат разорвал обвязки колыбели...

И опять закричал царь:

- Говори же!!!

Еще продолжила Мухлилат:

- Хикмат положил мне на колени свою тяжелую руку...

И опять закричал царь:

- Говори скорее, чье имя он произнес!?

И сказала Мухлилат:

- Твое имя, несчастный, твое имя...

И пошел снег...

3.

И пошел снег в этот день: крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны везде, куда опускались хлопья.

И не было царю покоя: не мог ни сидеть, ни стоять. И боялся он всего, даже находясь в своих покоях, боялся собственного голоса. И не переставая шел снег.

Залетела в комнату муха, зажужжала у окна, закружилась по комнате, пока не угодила в паутину. Прибежал паук, убил муху и высосал ее всю. Но этого не видел царь.

И не переставая шел снег, и не было покоя царю. И лезли в голову всякие мысли: "За что? Почему? Почему он произнес мое имя? С кем я поступил плохо? Или меня наказывают за то, что богатство мое - отнятое у людей? Но ведь люди сами любят сыпать деньги туда, где их много. Разве я должен отвечать за людскую глупость? Или они мстят мне, решив, что я всю жизнь был счастлив? Но ведь Аллах знает, что несчастливее меня никого не было. Люди думают, что если имеешь теплую одежду, жирную пищу, то это и есть самое большое счастье... За что я обречен? Почему я, здоровый и сильный, должен умереть?"

И не было покоя царю: не мог он сидеть на одном месте. И шел снег, и темнело небо. И все холоднее становилось царю.

И приходили в голову всякие мысли: "У меня есть деньги. Деньги! Сила человека, душа мира. То, что течет по жилам мира, - деньги. У меня есть деньги! Но где ваша сила, деньги?! Почему вы теперь превращаетесь в бесполезные бумажки? Зачем я собирал вас, если вы так бессильны? Почему вы отступаете перед Хикматом?.."

И промелькнула перед царем тень, и испугался он. Хотел царь закричать, но не смог. Хотел царь выбежать из комнаты, но не смог. И почувствовал царь, что кто-то дышит рядом, повернулся в ту сторону и увидел промелькнувшую тень. И дрожал голос царя, когда он произнес:

- Кто ты?

И услышал царь в ответ:

- Истина.

- Что ты хочешь?

- Ответить на твои вопросы.

И еще сильнее испугался царь и отступил назад. И отступал до тех пор, пока не уперся в стену. Посмотрел царь на потолок, но не увидел тень, а увидел паука и высосанную убитую муху. И удивился царь паутине в своих покоях.

И опять промелькнула та же тень, промелькнула по полу.

- Истина, скажи, почему я должен умереть? За что мне мстят?

- Мстят тебе за то, что ты родил-

ся!..

- Не по своему желанию я родился, я в мир пришел с плачем...

- Так умри смеясь.

- Не могу...

- Сумел бы, человек, если бы не гонялся за богатством и славой, если бы так сильно не хотел властвовать. Но тебе и этого было мало! Чем лучше человек живет в этом мире, тем труднее ему уйти в мир иной.

- Истина, что меня ждет? В рай ли я попаду или уготовано мне место в аду?

- Спроси у грехов своих. Спроси у дверей, которые ты закрывал перед просящими подавание. Спроси у гордыни своей, у своего высокомерия, у крови, что ты проливал не раз. Спроси! Они тебе ответят. Сколько раз ты в жизни смеялся, столько же будешь плакать. Но ты боишься отвечать за все, и потому задумал убить Хикмата.

- Откуда ты знаешь?

- Я - истина.

И прибежали в комнату люди и стали шептаться:

- Смотрите, царь сошел с ума...

- Царь разговаривает сам с собой...

- Царь потерял рассудок... Просит помощи у денег...

И посмотрел царь на людей и увидел, что это его слуги. И посмотрел царь каждому в глаза и спросил:

- Почему у вас такие жадные глаза? Как волк чувствует запах свежей крови, так и вы почувствовали запах моих денег. Нет, я не умру! Не умру! Знайте, люди, я не умру! Ничего вам не достанется. Прочь отсюда! Прочь все до единого! Рабы вы все, рабы!.. Вам нельзя давать деньги. Вы не знаете, что это такое. Вы не можете оценить их по достоинству, не умеете обращаться с ними. Рабы не умеют обращаться с деньгами! У тех, кто умеет обращаться с деньгами, ценить деньги, в жилах течет особая кровь. Вон отсюда!

И вышли люди так же, как и зашли, кланяясь и пресмыкаясь перед царем. И улыбнулся царь, горько улыбнулся мыслям своим: "Теперь я не царь, теперь я бессильный труп. Но посмотрите на людей, готовых от одного моего слова, от одного слова трупа пасть на колени. Рабские души! И их считают людьми? Они будут жить, а я должен умереть?"

И задумал царь убить Хикмата. И наступил вечер, тьма окутывала мир, и казалось, наваливаясь на густо падающий снег, хотела уничтожить его.

Казалось, и снег, прежде чем опуститься на землю, желал изрешетить наступающую ночь. Снег и не думал переставать идти. "Снег еще не перестает", - подумал царь, взглянув в окно. "Уже пора и перестать", - как будто подумал снег, увидев в окне лицо царя. Лицо было бледным и суровым, оно было высохшим, словно паук успел поработать над ним. Одни лишь глаза остались на этом лице.

И пошел царь к Хикмату и нашел его одного. Остановился царь и прислушался. Ни о чем не беспокоясь, равно дышал его безглазый ребенок. И подошел царь к колыбели и отбросил

одеяльце. О Аллах! Неужели такое уродливое существо должно было родиться на свет!? И протянул царь руки, чтобы задушить ребенка. Но задрожали руки царя над ребенком, и не смогли убить лежащего в колыбели. Испугались руки! Но не могли руки и уйти, не сделав ничего с Хикматом. Понимали руки, что должны были задушить его. И приблизились они опять к маленькой головке. Беззаботно дышал ребенок в колыбели. И вдруг холодное железо обожгло спину царя. И услышал царь испуганный женский голос позади себя. И боль пронзила спину царя, и не мог он оглянуться назад. И заговорил царь:

- Мухлисат, это ты? Это ты, Мухлисат?

И заговорила Мухлисат за спиной царя:

- Да, это я...

- Мухлисат, почему же я не умираю! Почему я не падаю?

И отошла подальше Мухлисат от спины царя.

- Потому что снег еще не перестал идти...

И поднял голову царь и застонал, завыл и заскулил он, и повернулся к Мухлисат, и сказал:

- Мухлисат, почему у тебя лицо мокрое?

- И от слез оно мокрое...

И улыбнулся царь, тяжело далась ему улыбка.

- Мухлисат, моя спина тоже от слез намочка?

- Да...

И пошатывало царя, пока шел от колыбели до Мухлисат. И попросил ее царь:

- Посмотри, не перестал ли снег идти.

Посмотрела Мухлисат в окно и сказала:

- Нет, не перестал...

- Выполни мое последнее желание, Мухлисат, подойди к окну и посмотри...

И подошла Мухлисат к окну, и выглянула. Вырвался крик у Мухлисат, и сказала она:

- Снег перестал, несчастный!

И ответил царь:

- Спасибо...

И зашатался царь, и упал. Упал он на спину, и кинжал пронзил ему спину, лежавшему на полу. И пронзил царя кинжал, и вышел через грудь. И не видел всего этого ребенок, лежащий в колыбели. И на рассвете забежала в комнату кошка, и покружилась она около трупа на полу, и коснулась лапкой сгустившей крови. И отскочила кошка, и убежала из комнаты. И не видела всего этого Мухлисат, все время стоявшая у окна. Мать смотрела на Хикмата. Зашевелился ребенок, и подбежала мать к колыбели. Присела она у колыбели, и потекли из глаз ее слезы. И заговорила мать с сыном:

- Хикмат, сыночек, душа моя, ради Аллаха, не произноси больше ни слова... Хикмат, дитя мое, не говори больше, ради Аллаха, молчи...

И порвал Хикмат обвязки колыбели, приподнялся Хикмат, сошел с колы-

бели и подошел к матери. Испугалась очень мать. И положил на колени матери Хикмат свою маленькую, но тяжелую руку.

- Хикмат, ради Аллаха, молчи, бесценный мой, молчи... Вот на коленях прошу тебя! Ради Аллаха не говори ничего, сынок, не говори ничего, - умоляла мать своего ребенка. И текли слезы из глаз матери.

И сказал Хикмат:

- Мухлисат.

И пошел снег на рассвете, крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья.

И обессилела Мухлисат, упала, и каталась она по полу, крича:

- О Аллах, чем согрешила я?! Почему я должна умереть? Ведь я отдала за Хикмата красавицу дочь. Не я ли помешала царю убить Хикмата? О Аллах, за что я должна расплачиваться, за какие грехи?

И долго плакала Мухлисат. И поднялась она вдруг с пола и увидела, что Хикмат все еще стоит перед колыбелью. Взяла Мухлисат сына на руки и сказала ему:

- Хикмат, почему ты произнес имя "Мухлисат"? Это мое имя, а я твоя мать. Я родила тебя, я спасла тебя. Хикмат, почему я должна умереть?.. Ты знаешь, сынок, что такое смерть?

Не шевельнулся Хикмат и не издал ни звука. Мать прижимала его к груди, но она не чувствовала его тепла, и не ощущала тяжести. И отнесла мать его к трупу царя и положила на пол. И не шевельнулся Хикмат. И взяла мать его руку и провела им по лбу царя и по щекам, и сунула его руку в бороду царя.

- Вот что такое смерть, сынок... Это твоя работа. Вот отец, которого ты убил. Ты понял что такое смерть?..

И окунула мать руку Хикмата в остывшую кровь царя. Улыбнулся Хикмат, понравилось ему рукою ощущать смерть. И заметила Мухлисат его улыбку, и рассвирепела. Увела его от трупа, положила мать сына на подоконник и открыла окно. И ударил мороз ей в лицо, и осушил слезы. И рвал ветер занавес на окне. Скрипнула дверь и открылась. Посмотрела мать на голого ребенка, лежащего на подоконнике, и сама начала мерзнуть. Не таяли хлопья снега, падающие на ребенка, но таял снег падающий в комнату. Комната стала мокрой, но не намочило лицо Мухлисат. И столкнула Мухлисат ребенка с подоконника, и закрыла окно. Скрипнула дверь и сама закрылась. И стояла мать у окна и думала: "Пусть лучше умрет Хикмат, чем умру я сама".

И промелькнула тень в комнате, и вскрикнула мать от ужаса. И опять промелькнула тень. Дрожал голос Мухлисат, когда она спросила:

- Кто здесь? Кто ты?

- Истина.

И испугалась мать, и не поняла она, кто пришел.

- Чего ты хочешь?

- Хочу, чтоб ты выглянула в окно.

И выглянула мать в окно: снег шел не переставая, и на снегу лежал ее ре-

бенок. И услышала мать голос Истины:

- Что ты слышишь, Мухлисат?

- Голос Хикмата.

- Что он сказал?

- Произнес имя шейха.

И закрыла Мухлисат окно и отскочила от окна. Поняла мать: Хикмат не умрет, она не сумела убить сына. И поняла Мухлисат, что как только снег перестанет, вместе с ней умрет и шейх, и не останется на земле человека, знающего тайну Хикмата. И намочило лицо Мухлисат от растаявшего снега. Подбежала она опять к окну и открыла его. Мороз и снег ударили ей в лицо.

Выскочила она через окно на улицу, упала и прижалась к сыну. Стала мать целовать холодное лицо сына, прижала она к груди ставшее удивительно легким тело сына, и заговорила:

- Хикмат, почему ты меня убиваешь? Оставь мне жизнь, дорогой мой...

И увидела Мухлисат, что Хикмат улыбается. И рассвирепела она. Бросила ребенка на снег, и через окно забралась в комнату. И заговорила с нею Истина:

- Мухлисат, не проси ничего у Хикмата! Не говори, что ты ему мать. Не говори, что ты дала ему жизнь, сделала ему много добра. И не проси, чтоб он сохранил твою жизнь.

- Почему?

- Он ничего не видит. Нет у Хикмата глаз... Не понимает он чье имя произносит...

И сошла с ума мать, заметалась по комнате, и упала на пол. И посмотрела Мухлисат на труп царя и сказала:

- Почему ты улыбаешься, там под окном и сын твой улыбается?..

И захотела Мухлисат страшным голосом. И хохотала до тех пор, пока опять не промелькнула тень. Увидела она тень и замолчала. И услышала Мухлисат голос Истины:

- Мухлисат, выгляни в окно...

И выглянула Мухлисат в окно. По-прежнему шел снег, и дул ветер, но не было под окном ребенка. Не лежал под окном ребенок, осталось лишь потемневшее от растаявшего снега мокрое место.

И сказала мать:

- Снег растаял на моем сыне, теперь он стал теплым...

И промелькнула тень:

- И не стал он теплым, и не растаял на нем снег. Ушел твой ребенок.

- Куда?

- В вечность...

И заскрипела дверь и открылась. И побежала мать закрывать дверь. И закрыла, и бросилась Мухлисат к окну.

И перестал снег идти...

И упала Мухлисат в окно, выпала наружу, и упало ее тело прямо на темное место, где лежал Хикмат.

И не видел всего этого Хикмат...

И произносит безглазый ребенок наши имена. И идет снег...

И идет снег, днем и ночью, и на рассвете; идет крупно, спеша, борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускаются хлопья...

И будет Хикмат произносить имена...

И будет идти снег...

И будет идти...

